

СОЦИАЛЬНЫЙ КОНФЛИКТ СКВОЗЬ КУЛЬТУРУ*

Ф.М. Бородкин

В течение более чем двух лет небольшой переменный по составу коллектив раз в две недели собирался и обсуждал разнообразные проблемы, возникающие при исследовании социального конфликта социологами и частично — социальными психологами. Рассматривались как теоретические аспекты, представленные в литературе, так и результаты эмпирических наблюдений — массовых социологических и психологических обследований, интервью, отдельных конфликтов. Обсуждения записывались на диктофон, затем расшифровывались. Полученные таким образом записи представлялись для ознакомления участникам обсуждения, которые могли внести в них изменения, замечания и добавления. Так постепенно сложился материал, который, после соответствующей обработки, предполагается издать в форме монографии, максимально сохранив живой стиль обсуждения.

Представляемая вниманию читателя статья является результатом одного из заседаний такого семинара. Каждый из авторов высказываний в дискуссии имел возможность подправить свою реплику после того, как весь текст был отредактирован. После внесения этих поправок каждый из участников семинара, реплики которого содержатся в статье, мог отреагировать на поправки, внесенные его коллегами, дописав свое дополнение в форме примечания в подстраничной сноске (в этих случаях в скобках, следующих за сноской, есть указание «прим.»). Поскольку и после редактирования тексты главы «Монолог», реплик в дискуссии и сносок остаются авторскими, соответственно указаны и авторы этих текстов. Авторы реплик в дискуссии обозначены инициалами: Бородкин Ф. — Ф.Б.; Герчиков В. — В.Г.; Мостовая Е. — Е.М.; Бутенко Д. — Б.Д.; Шушанян Н. — Ш.Н.; Рассохина М. — Р.М.

МОНОЛОГ**

Что такое культура

В обыденном использовании термин «культура» чаще всего обозначает меру воспитанности, вежливости, начитанности, порядочности и т.д. Говоря, что не-

* Статья подготовлена при финансовом содействии РГНФ. проект №95-06-17639, руководитель Ф.М. Бородкин.

** Ф.Бородкин и Д.Бутенко

кто — культурный человек, имеют в виду степень его цивилизованности. В теории такому пониманию соответствует представление о культуре как об иерархии духовно-моральных ориентиров — идеалов, правил, моральных установлений о должном поведении. Один из наиболее известных вариантов подобного представления — концепция культурных образцов. Шаблон, норма, символ, ценность — примеры образцов, из которых складывается иерархия. С этих позиций вводится и мера «культурности», т.е. того, насколько индивид овладел предлагаемыми обществом и ценимыми им образцами поведения. Сравнивая двух индивидов в соответствии с этой концепцией, можно сказать, что один из них культурнее, чем другой. Условность такой меры вполне очевидна как во времени, так и при переходе от одной социальной общности к другой, от одного социального слоя к другому.

Иной подход заключается в противопоставлении социального естественно-натуральному, «..слово культура... оживляет в памяти труд фермера или садовника, который тщательно обустроивает клочки земли, отвоеванные у дикой природы, и культивирует их... Работа фермера или садовника является показательным примером культуры, она выступает как деятельность, имеющая цель, причем особого рода цель, а именно: придание определенной части реальности той формы, которая иначе не появилась бы...»(1, с. 153). Здесь культура выступает как особого рода человеческая активность, направленная на преобразование всего окружающего. Это представление восходит к немецкой классической философии.

Культурная подложка конфликта

Нас интересует связь между культурой и социальным конфликтом или, более общо, — между культурой и совместной деятельностью или взаимодействием. Возможно, достаточно было бы иметь в виду только психологические и социологические аспекты культуры, т.е. использовать в рассуждениях о конфликте социологические представления о культуре как среде существования общества, отдельных общностей, среде, компенсирующей то, чего природа лишила людей — развитых и всесторонних инстинктов, профаммирующих поведение в разнообразных ситуациях. Культура, как бы ее не определяли, несомненно оказывает влияние на все стороны конфликта, начиная с конфликтной ситуации и кончая способами разрешения конфликта и его последствиями. Можно выделить целый класс культурных социальных конфликтов (или межкультурных, интеркультурных). В одних случаях такие конфликты выступают как религиозные (межрелигиозные), межнациональные, межэтнические, в других случаях они выглядят как конфликты, вызываемые различными ценностями (наборами или системами ценностей).

Социологии известен феномен субкультур. Общности, принадлежащие разным субкультурам, также далеко не всегда мирно взаимодействуют или соседствуют на территории. Громко звучащий в недавнем прошлом конфликт поколений в значительной степени коренился в различных субкультурах социальных групп. Возрастные границы между этими группами служили лишь формальными и условными обозначениями фаций разных субкультур.

Вот маленькая бытовая сценка, участником которой был один из авторов данного монолога, когда он приехал в Прагу в начале 70-х годов, сценка, демонстрирующая связь субкультуры и конфликта. Герою сценки захотелось купить немного фруктов в магазине. Магазин был невелик, и, взяв бумажный пакет,

наш герой начал складывать в него с открытой полки гроздь винограда, отбирая наиболее крупные и чистые. Продавщица что-то резко выкрикнула по-чешски. Поскольку в магазине было еще два или три покупателя, которых продавщица в это время обслуживала, он не обратил на ее слова внимания и продолжал отбирать виноград. Продавщица стала выкрикивать нечто еще громче, и он ощутил, что это раздражение относится к нему. Продавщица подбежала к нему, вырвала у него из рук пакет, встряхнула из него виноград, затем снова вложила его в тот же пакет, бросила пакет на весы и назвала сумму для уплаты. Наш путешественник был удивлен таким поведением, потому что с точки зрения русского Прага того времени была спокойным городом, а чехи казались очень миролюбивыми и склонными к компромиссам. Вечером он сказал своему другу-чеху, что, наконец, не только стал свидетелем конфликта в Праге, но сам попал в конфликт в одном из магазинов. «Наверное, в овощном магазине?» — предположил его друг. Он тут же объяснил, откуда такая догадливость. Оказывается, для Праги начала 70-х годов был характерен наплыв молодых женщин из деревень в города в поиске своего счастья. Неизвестно, по какой причине, но в сельской местности распространился слух, что в Праге деревенская девушка может быстро устроиться с хорошим заработком в приличный магазин. Однако это был только слух, и многие деревенские девушки, приехавшие в Прагу, попали продавщицами именно в овощные магазины как самые низкие в общественной оценке торговые точки. Хорошего заработка в этих магазинах не было, и продавщица овощного магазина в глазах окружающих оказывалась в слабой социальной позиции. Это раздражало и вызывало конфликты между такими продавщицами и любими более или менее прилично выглядящими покупателями, недоступными для знакомства или бесполезными для исполнения их матримониальных планов.

В подобных конфликтах можно отметить различные аспекты, но существование культурного основания несомненно. Попутно чешский друг заметил, что отношения между чехами далеко не бесконфликтны. «Вам нужен крик. Нам достаточно и чуть повышенного тона. То, что у вас — километр, у нас — метр». Он этим хотел сказать, что русские могут не увидеть никакого конфликта во враждебных взаимодействиях чехов друг с другом. И это, конечно, также эффект культуры.

Культура, ценности и нормы

В центре большинства концепций культуры обнаруживается представление о ценностях и нормах. Эти понятия не имеют четкого определения, хотя и являются фундаментальными для социологии. Скорее всего, не существует ни одной серьезной социологической работы, в которой не фигурировали бы либо непосредственно какие-нибудь ценности и нормы, либо не велись бы рассуждения о них. Ценности понимают как фундаментальный мотив человеческой деятельности, как отправную точку поведения людей, как долгосрочные принципиально важные ориентиры, ведущие человека по жизни, указывающие на то, что и как должно делать, как и какие цели ставить, как относиться к тому, что встречается на жизненном пути или в бытовых ситуациях, что должно считать хорошим, а что — плохим.

Мы основываем свое понимание ценностей и норм на представлении Дж. Тер-

нера, а также Р. Вильямса, Ю. Блейка и К. Девиса в интерпретации Дж. Тернера (2, с.24).

Ценности — чрезвычайно обобщенные и абстрактные идеи и концепции относительно того, что люди или группы данного общества считают желательным или нежелательным, хорошим или плохим. Ценности не связаны ни с текущими конкретными ситуациями, ни с какими-либо событиями. Они управляют ценностными верованиями (оценочной верой).

Ценностные верования (оценочная вера) указывают на то, чему должно быть в ситуациях определенного типа. К таким верованиям относятся, например, религиозные убеждения, идеологические ожидания, почти все суеверия. Ценностные верования — инструмент интерпретации событий. Они управляют эмпирическими верованиями.

Эмпирические верования (эмпирическая вера) индицируют события, реализующиеся в конкретной ситуации, позволяют принять то, что происходит, а не то, что должно происходить. Они управляют нормами.

Нормы — правила поведения в конкретной ситуации в конкретном месте. Они управляют поведением (поступками, действиями) индивидов и групп индивидов.

Конкретное поведение — ответ на культурную директиву в форме выполнения нормативного предписания.

Ценности отмирают?

Ценности являются элементом культуры, но не обязательным в том смысле, что принципиально могут существовать (и в истории существовали) иные основания оценки должного в поведении людей.

Ценности как фундамент осознания мира и себя в мире, как устойчивое, долговременное основание для формирования и оценки социальных действий, как регулятор, приводящий во взаимное соответствие должное — феномен уходящей эпохи западной цивилизации, в которой христианская мораль долгое время формировала культурные образцы. Считается, что «христианство появилось во времена глубокого психологического хаоса, когда новый мир рождался из руин восточно-средиземноморского прошлого, а греческий интеллектуализм и индивидуализм вносили еще больше психологической путаницы. Христианская церковь стала символом Небесного Порядка, единственной опорой в период хаоса» (3, с.24). Отсюда понятно и назначение ценностей — как-то нормировать, институционализировать психологический хаос, образно говоря — гармонизировать джунгли германских варваров, обеспечить преемственность традиций, противостоящих хаосу и неопределенности.

Ценности выполняли свое назначение почти три тысячелетия, не меняясь в своем существовании, связывая многие поколения во времени и разъединенные расстояниями общности в пространстве друг с другом. Однако начало развития капитализма и предпринимательства потребовало значительного пересмотра прежних ценностей. Это и явилось причиной и основанием последующего расцвета всех протестантских ветвей (4, с.273-307) единой вначале католической религии. Новая эпоха требовала большей динамичности и прагматизма в принимаемых решениях. Ответом было изменение ценностей, оставшихся все же своеобразным культурным консервантом и универсальной базой моральных оценок для общества. Но сравнительно

единый в идеологическом отношении мир начал распадаться.

Новейшие времена, для которых характерна очень быстрая смена ситуаций, возможность почти мгновенной информационной связи независимо от места нахождения партнеров, необходимость столь же быстрого принятия решений под угрозой часто трагических последствий бездействия или ошибки, требуют и менее консервативного основания, ориентации на живой опыт, а не только на опыт предыдущих поколений, живших в ситуациях, совершенно не похожих на современные. Даже недавнее прошлое зачастую не может подсказать верного решения, так как мотивом действия становятся быстро наступающие последствия, подправить которые либо дорого, либо вовсе не удастся. Скоротечность, всеобщая информационная связность и необратимость заставляют индивидов и группы все больше ориентироваться на социальную практику. Нечто похожее уже было в человеческой истории, когда непосредственное взаимодействие с природой и людей друг с другом, синкретизм рождали приметы и суеверия в качестве своеобразных рецептов, указаний, как надо действовать в тех или иных ситуациях (5). Сейчас наступила пора формирования новых реперных точек для оценки поведения и деятельности на базе современной социальной практики.

Какие феномены станут новыми элементами культуры, сообщающими ей устойчивость во времени и универсальность в пространстве, в том числе и социальном, сказать сейчас невозможно. Но ценности как мотивирующее основание принятия решений исчезают. Доказательством (или, скорее, подтверждением) правдоподобия такой гипотезы является видимое массовое изменение поведения людей в современном мире, сопровождаемое не менее массовыми высказываниями о падении нравов и наступлении эпохи вседозволенности.* В массовых опросах сейчас фиксируется здоровье, дети и семья как основные объекты заботы большинства индивидов, кроме предпринимателей и руководителей (и те, и другие относятся к группам населения с высшими доходами).

В то же время, как кажется большинству, общество среди способов заработка не поощряет честности, но снисходительно относится к нарушению закона. Трудолюбие и честность в глазах общества, по мнению большинства опрошенных, сдвинулись на последние места.

Культурная революция?

Не имеет смысла ставить вопрос о том, так ли обстоит дело в действительности — люди вершат свои дела, ориентируясь на свое представление о том, чего от них ожидает их окружение и общество. Одни фиксируют характер ожидания с горечью, сожалеют о том, что утрачено обществом (по их мнению) и чего они сами не могут совершить, другие непосредственно руководствуются своими представлениями о массовых ожиданиях или же оправдывают свое поведение этими представлениями. В любом случае быстрая смена представлений, оправданий и ожиданий как раз и говорят о том, что некие консервативные критерии оценки поступков, поведения, господствовавшие недавно, исчезают, поскольку поведение, ориентированное на них, не приносит успеха в современном мире.

---

* Ради справедливости отметим, что подобные сетования раздавались во все времена. Например, резко отрицательное отношение в середине XII века вызвало удлинение женской одежды. Эта новая мода многими оценивалась как бесстыдная и непристойная (6, с.335).

Ф.М. БОРОДКИН
Социальный конфликт сквозь культуру

Реальности конца XX века внесли много нового в культуру при любом взгляде на нее. Главное, что повлияло на культуру, — совершенно невиданное до сих пор быстрое изменение технологий телекоммуникации, т.е. изменение средств передачи информации, способов установления информационных и деловых связей на больших расстояниях, телекоммуникационных способов манипулирования массовыми представлениями, склонностями, желаниями. Появился новый виртуальный информационный мир, вошедший в сознание как действительно существующий и независимый от отдельных индивидов. Анонимность общения не просто усилилась, но стала чуть ли не одним из главных оснований поведения. Подавляющее большинство людей получило возможность выходить за пределы представлений о мире и о себе, господствующие в своем микромире, в своем социальном слое и в своей группе в любой момент, как только этого захочется, без видимой и реальной угрозы санкций. Незыблемая длительное время система оценок оказалась не только не единственной, но и не обязательной. Соответственно стал исчезать и порядок, порождавшийся такими консервативными оценками. Нашему взгляду предстает «общество и человек, которые почему-то не желают упорядочивать мир — признавать в нем центр, ось смыслов и разумно устроенную систему свойств и признаков. Хорошо и плохо, красиво и отвратительно, правда и неправда — их различие стало вроде бы необязательным. Новый человек мыслит не так, как прежде, а текуче» (7, с.243). Культура сегодня включает в себя образцы беспорядка, поливалентности, хаотичности, она не предоставляет надежного средства ориентации в мире. *Сегодня понимание культуры как инструмента ориентации, упорядочения картины мира, как деятельности по моральному законодательству потеряло смысл. Куда бы ни кинуть взгляд, мы не найдем ни духовного авторитета, который не был бы расхищен и осмеян, ни всеобщей организующей идеи, способной объединить и придать смысл разнообразным поступкам.*

Точнее было бы сказать, что исчез не инструментальный смысл культуры, но отмирают ценности, составлявшие один из ее главных элементов в течение многих веков. Культура же и в инструментальном смысле как существовала до появления ценностей, так и будет существовать и после замены их иным элементом.

Символические аспекты культуры

Культура имеет много определений и в социологии в зависимости от того, какой именно аспект социальной жизни рассматривается. Для нашей цели больше всего подходит понимание культуры как множества (системы) осмысленных символов, которые могут быть использованы в организации индивидуальной, групповой жизни и жизни общества (8, с.63). Очевидно, что ценности и нормы существуют в обществе в форме символов. Многие поступки и поведение также формируются и воспринимаются как символы. Таким образом, одним из базовых элементов культуры (при любом ее понимании и определении) является система значимых в смысловом отношении символов, создаваемых и поддерживаемых людьми в обществе для того, чтобы организовывать эффективное взаимодействие друг с другом и поддерживать определенный порядок.*

Итак, культура — обозначение символических небиологических аспектов

---

* Интересна с этих позиций этимология слова «символ». В древней Греции словом «символон» обозначался предмет, разрываемый надвое и вручаемый двум лицам в знак состоявшегося между ними договора, соглашения.

общественной жизни. Человек лишен или почти лишен способности организовывать свое поведение на основе непосредственных чувственных ассоциаций — звуковых, обонятельных, зрительных, тактильных, вкусовых и т.д. Чувственные ассоциативные ряды обращены непосредственно к инстинктам, запускают их поведенческое управляющее начало, т.е. реализуют ряд «восприятие → ассоциация → инстинкт → программа → поведенческий акт → действие».

Принципиальное отличие человека от остальных животных заключается в очевидной связи его поведения преимущественно с символическими ассоциациями. Преимущественно — потому что символические ассоциации не являются монополией людей, так же как чувственные — монополией животного мира. Многие виды животных — и млекопитающих и птиц — способны к усвоению символов и к символическим ассоциациям, провоцирующим поведенческие акции также в форме символов, на основе жестких и наследуемых программ (инстинктов). Сколько бы ни тренировать собаку, какими способами ее ни обучать, она все равно не усвоит, что означает поднятый трубой хвост кошки, а кошка неотреагирует адекватно на собаку, припавшую на передние лапы и высоко поднявшую заднюю часть своего тела, так же как любая птица-пересмешник повторяет слова без смысла и умысла, даже если научить ее произносить определенные звуки в определенной ситуации. Дело дальше условного рефлекса в освоении символов в человеческом смысле не пойдет.

Человека от остального животного мира отличают не сами по себе символические ассоциации, а способность строить относительно замкнутый в себе символический мир, спровоцированный реальностью, но не обязательно ей соответствующий. Этот мир богат и полон в том смысле, что он достаточен для демонстрации и реализации человеком его желаний, удовлетворения его потребностей. Он, этот символический мир, не является ни прямым отображением, ни продолжением так называемого реального или объективного мира, существующего якобы отдельно от человека. Все вместе взятое окружение, как-либо реагирующее на поведенческие акты людей, окружение, включающее и самих людей, и есть единый мир человека, в котором он зачастую не может отделить символическую часть окружения от физической, вещественной. Между этими двумя частями не существует ясной границы — всякая вещь может выступать в роли символа, и всякий символ может представляться индивиду как вполне реальная вещь — как инструмент, орудие и оружие, как причина или следствие, как жертва или агрессор.*

Культурная символика, картины мира и конфликты

Но само представление о должных стандартах совместной деятельности закодировано у разных сообществ способами, которые могут быть несовместимы и противоречивы. Было бы полезно и интересно специально рассмотреть социальные конфликты, возникающие в результате столкновения противоречивых картин реальности и вытекающих из них представлений о должном отношении к ситуа-

* Заметим, между прочим, что может быть именно в этой способности человека обращаться с символом, как с вещью, как с физическим объективным феноменом, и кроются корни мистицизма.

Ф. М. БОРОДКИН
Социальный конфликт сквозь культуру

ции и о том, какие типы поведения в этой ситуации одобряются внутри данных общностей.

Приведем примеры двух крупных классов социальных конфликтов, в основе которых то как причина, то как повод лежит именно культурная символика и порождаемые ею различные картины мира.

Во-первых, конечно, речь должна идти о религиозной символике. В настоящее время в мире известно шесть наиболее крупных, значимых систем религиозных взглядов: буддизм, иудаизм, ислам, конфуцианство, синтоизм, христианство. По меньшей мере, христианская и исламская системы взглядов сами распадаются на большое количество непримиримых подсистем, различия между которыми непосвященному могут быть и не заметны, но конфликт между которыми, как правило, очевиден, а иногда принимает даже насильственные и кровопролитные формы. В эти конфликты в далеком историческом прошлом и в наше время вовлекается большое количество людей, образующих сплоченные небольшие и крупные группы. Группы — несомненно социальные образования, и конфликты, следовательно, также социальные.

Различные религиозные мировоззрения несут в себе иногда несовместимые и противоречащие одно другому представления о должном поведении людей в мире. Они напрямую могут генерировать или, наоборот, гасить конфликтность в поведении. Например, индуисты возражают христианам: «Вы призываете — «Не убий!». Но ведь наша жизнь — увлекательное и таинственное приключение, а если нельзя убивать, то как же скучно будет это приключение!». Кто из них прав — риторический и принципиально бессмысленный вопрос. Но в религиозной картине мира заложено, причем глубоко в психике индивидов, отдельных групп, целых наций и даже в государственных и социальных системах отношение к нормам поведения и, следовательно, разные, возможно, взаимоисключающие основания для культурных директив на действия в конкретной ситуации. В том числе и в конфликте.

Иные религии не имеют четко сформулированного взгляда на конфликт или даже провозглашают отрицательное к нему отношение. «Заострение внимания на конфликтности в Православии места не имеет, поскольку конфликтность не является универсальным индикатором благополучия или неблагополучия... и может означать действительно что-то опасное только в достаточно крайних случаях»(9). Избегать всяких конфликтов, особенно вне своей среды, стараются, например, члены весьма многочисленной и авторитетной в мире христианской секты меннонитов, насчитывающей в настоящее время более миллиона человек и располагающей огромными материально-финансовыми средствами и обширными связями по всему миру.* Однако христианские ценности других ветвей, например, католической и многих протестантских, подразумевают не обязательно отрицательную оценку насилия в мире и должного отношения к нему человека. Нет

---

* Основана во второй половине XVI века Менио Симонсом в Швейцарии. Члены ее вынуждены были сначала бежать на нижний Рейн, а затем — в Голландию. Часть этой секты по приглашению Екатерины II переселилась в Россию в Приднепровье в конце XVIII века. Несколько тысяч их в начале нашего века перебралось на свободные земли в Сибирь (Омская и Новосибирская области), большинство же было сослано за Урал сразу после начала Отечественной войны как представители немецкой нации. Принципиальный отказ от конфликтов (в том числе и с любыми представителями власти) позволил деревням меннонитов в Сибири не просто сохраниться, но процветать.

нужды напоминать об историческом прошлом католической церкви.

Но существуют религиозные учения, где дано ясное представление о конфликте и о том, как люди, руководствующиеся этими учениями, должны себя понимать и действовать в конфликте. Так, например, доктрина дзэн-буддизма утверждает, что конфликт — это «...метод вскрытия проблем, которые необходимо осмыслить. Позволяет сделать ситуацию прозрачной, встряхнуть осадки на дне нашей души... Возможность увидеть себя и других без прикрас... в конфликте все видно как на ладони». Любой конфликт с позиций дзэн-буддизма нужен и полезен для самопознания. А что произойдет, если в напряженной ситуации встретятся представители групп, по-разному глядящих на способ разрешения этой ситуации, и один будет встряхивать осадки на дне своей души, заниматься «миросозерцанием без прикрас», а другой — «непротивленец злу насильем» — будет послушно считать, что это наказание за грехи и принимать удары?

Большое количество современных социальных конфликтов (и весьма острых) коренится в столкновениях западной христианской и исламской культур еще в далеком прошлом. Есть основания полагать, что многие конфликты, связанные с мусульманским экстремизмом, частично финансируются некоторыми глубоко верующими исламскими миллиардерами, искренне движимыми религиозными мотивами священной борьбы с неверными.

До сих пор не затухают конфликты между католиками и протестантами в Ирландии, хотя, выехав за пределы страны, они не смогут друг друга идентифицировать без специальных вопросов-тестов.

Другой пример — некоторые конфликты в современной Германии между западными и восточными немцами, между прибывшими из России и коренными жителями. Например, не редкость ситуация, когда русскоязычную молодежь не пускают на немецкие дискотеки, так как русскоязычная молодежь, по мнению местных жителей, не умеет себя правильно вести. Частые поджоги общежитий и лагерей прибывших из России, особенно в густонаселенных промышленных городах в центре Германии, имеют также и культурные корни — жертвы поджогов воспринимаются как чужие, неправильные. И на бытовом уровне в Германии можно наблюдать взаимную ненависть, непонимание, неприятие среди людей из разных и мало совместимых культурных общностей, когда они вынуждены находиться в тесном физическом пространстве, например, быть близкими соседями или ехать в переполненном общественном транспорте. Более того, после объединения Германии между отдельными группами немцев бывшей ГДР и ФРГ возникли почти враждебные отношения. Во многом эти отношения основаны на несбывшихся ожиданиях восточных немцев скорого пришествия всестороннего процветания. Но в основе самого ожидания лежат различия в культуре, успевшие сформироваться и дать о себе знать за какие-то сорок лет.

Есть Восток и есть Запад

На основании многих письменных источников, в которых зафиксировано религиозное и иное духовное наследие, например таких как Письма Махатм, Евангелие и многие другие, нам известны принципиальные различия «восточного» и «западного» типов мировоззрения. Если обобщить то, что говорится по этому поводу, то обнаружится, что для первого типа мировоззрения характерна

созерцательность, стремление к внутренней гармонии, к растворению в мире, к слиянию с ним, приятие сущего, молчаливость, медитативность, синтетичность, пассивность разума, легкость, спонтанность, для второго — стремление изменить мир, а не себя, обособление от окружающего, осознание разделенности себя и мира, серьезность и тяжеловесность, создание приватной ниши, борьба за достижение примысленных целей, концептуализация действительности, интеллектуальная вера в чужие слова, авторитеты, логическое обоснование Бога, напряженность, стремление к универсальности и утилитарности в оценке событий, аналитичность. Эти два противоположных начала могут быть фундаментальным культурным основанием для формирования конфликтов вообще. Может быть, как-то преломляясь через символический опыт разных общностей, или даже внутри одной общности, они оформляются в конкретные противоречия. Однако это противоречие не географического типа. Но не вызывает сомнения, что люди, выросшие под влиянием одного из этих «начал», будут по-своему воспринимать конфликтную ситуацию.

Вот пример отношения с позиций первого типа мировоззрения. «Любой конфликт создаст еще больше препятствий. Если появляется страх, и вы начинаете что-то предпринимать, тогда появляется новый страх — страх страха. Он становится более сложным. Поэтому, если появляется страх, единственное, что нужно, — примириться с ним. Ничего не пытайтесь делать, потому что ничто не поможет. Что бы вы ни делали из чувства страха, это породит еще больший страх, что бы вы ни делали в замешательстве, вы только добавите к нему еще большее замешательство. Не делайте ничего. Если появится страх, отметьте про себя, что он есть, и примите его. Что можно сделать? Ничего. Продолжайте бояться... Если вы сможете осознать тот факт, что вы боитесь, куда тогда денется этот страх? Вы с ним примирились, и он рассеялся. Приятие рассеивает. Только приятие и ничего больше. Поэтому, пожалуйста, не создавайте никаких конфликтов. Если у вас одна проблема, не создавайте еще одну, оставайтесь с первой. Не боритесь и не создавайте другую» (10, с. 187).

Противоположных исторических примеров более чем достаточно. Крестовые походы, Инквизиция, гитлеризм и сталинизм, войны в современной России в попытках «привести в чувство» неподчиняющихся чеченцев, войны в бывшей Югославии — в этих и подобных явлениях и событиях запечатлена суть так называемого «западного» типа отношения к миру.

Возможны ли конфликты вне культуры?

Трудно представить себе значимое событие в жизни общества вне культуры. По-видимому, правильно будет сказать, что все социальные конфликты имеют некоторое культурное основание хотя бы в том, что они протекают именно в данной символической среде и в конфликтных взаимодействиях на уровне жестов (в том числе и в вербальном общении) используются символы данной культуры.

Можно ли основанием некоторых социальных конфликтов считать господствующие идеологии? Если да, то тогда в моменты общественной трансформации меняется социальный характер, менталитет, отношение к миру, а значит — возможно столкновение тех, у кого картина мира не изменилась, с носителями новой картины мира. Тогда источник конфликта — противоречивые, несовмести-

мые оценки действительности. Например, сейчас уже сложились конфликтные группы, формирующие мировоззрение — писатели, актеры, журналисты, художники. Одни артикулируют интересы проигравших, другие — выигравших в сегодняшней ситуации. Евгений Евтушенко, Виктор Астафьев, Валентин Распутин, Василий Белов — творческие деятели зрелого возраста — прошли советский путь, работали в сходных условиях, и вот теперь, разделившись, разойдясь по идеологическим лагерям, не могут понять друг друга, борются каждый за свой Союз писателей, очерняют противников, бойкотируют их мероприятия, предпринимают другие действия, демонстрируя всем, что они сошлись в конфликте.

Но можно ли отделить культурные основания конфликтов от всех прочих? Пример — конфликт в Афганистане. Две ветви мусульманства: Юг — сунниты, Север — шииты. Одни — радикальные фундаменталисты, другие — вполне умеренные. Обе ветви борются за святую веру. С другой стороны, Юг — это пуштуны, самая многочисленная нация Афганистана, собственно, их и называют афганцами. Север — узбеки, таджики, хазарейцы и прочие национальные меньшинства. Между этими этническими группами — национально-этническая вражда. Еще глубже, возможно, идет борьба вокруг проекта нефтепровода через территорию Афганистана. Победители будут иметь выгоду от транспортировки и эксплуатации каспийской нефти. Победа пуштунов означает выход исламского фундаментализма на южные рубежи СНГ, в чем многие не заинтересованы, кроме явных противников России. Но победа шиитов ослабит позиции США в этом регионе. Наверняка в основании этой борьбы есть еще много такого, о чем мы даже не подозреваем. Культурные основания оказываются вплетенными в другие — экономические, международные и т.п.

А есть ли примеры конфликтов на чисто культурных основаниях? В исторических источниках удалось отыскать серию конфликтов, известных как религиозные или мировоззренческие войны. К примеру, в XII-XIII веках происходило сильное духовное брожение. Это было время подъема еретических социальных движений. Единая католическая конфессия раздробилась на множество монашеских орденов, конкурирующих за право нести подлинную веру. (Возможно, по сути, это было становлением единой политической системы с опорой на католическую церковь как базовую социальную организацию.) Одновременно наблюдался расцвет мистицизма на севере Африки и на Ближнем Востоке, во многом за счет мусульманских и христианских эзотериков. Оттуда через Алжир и Испанию «еретические» идеи проникали на юг Европы. Общины пастухов Италии, вдохновленные этими религиозными идеями, передвигались на Север, увеличиваясь в размерах. Новое религиозно-мировоззренческое движение нарастало, как снежный ком. Оно, естественно, встречало сопротивление католической церкви. В общей обстановке духовного брожения, хаоса и феодальной раздробленности под религиозными знаменами было пролито много крови. Скорее всего, это была борьба за светскую власть, на которую претендовала католическая церковь.

Данный пример не демонстрирует чисто культурных оснований. Более ярким и убедительным представляется противостояние в течение нескольких десятилетий в России славянофилов и западников как представителей групп, придерживающихся несовместимых позиций. Это противостояние можно считать вялотекущим мировоззренческим социальным конфликтом. Здесь была очевидна сознательная деятельность, направленная на одоление противника, хотя борьба разворачивалась преимущественно на страницах газет, журналов и в открытой личной

полемике. Когда же «выросли», благодаря этой ситуации, народники, нигилисты, противостояние ценностей превратилось в физический террор. Разумеется, в этом противоборстве можно найти и иные основания, отличные от культурных.

Но если мы согласимся, что культурные основания нельзя выделить в чистом виде, то надо хотя бы в общей форме описать новую культурную (символическую) среду. В каком-то смысле в современном европейском социальном пространстве начинается новое Средневековье. С Востока приходят новые еретические течения. Известна популярность мусульманства во Франции, чрезвычайно сильные позиции турецкой общины в Германии, что накаляет и криминализует всю Европу. Христианские секты, наоборот, устремились в Африку, и нашли там удобную и широкую социальную базу. Убеждения и вера могут выступать как витальный интерес. Это случаи, когда «окраска» становится мотивом, движущей силой, не только способом действий, но и содержанием.

Что это за ситуации? Столкновение несовместимых стилей поведения в тесном социальном взаимодействии неизбежно. Но неизбежны ли при этом конфликты? «Коллективные оценки» — сплетение новых сложных регулирующих программ или комбинация старых феноменов наподобие ценностей, но в другой социальной ситуации? Меняются сами базовые универсалии культуры, или они рекомбинируются? Сохраняется ли сегодня за культурой функция регулирования поведения и деятельности?

Социальные практики и коллективное бессознательное — новое Средневековье и новое Возрождение

Итак, зачем нужны эти рассуждения о культуре в обсуждении проблематики социальных конфликтов?

Человеческое поведение в значительной степени детерминировано небиологическими инстинктами. Культура — среда, из которой выбирается, через которую транслируется, та ее часть, что формирует программы индивидуального поведения или культурные директивы к осуществлению тех или иных поступков, действий. Культура изменчива в том смысле, что феномены, составляющие культуру, не вечны. Даже религии преходящи. В культурном смысле умерло конфуцианство, синтоизм, христианство явно пережило свой пик. С этим процессом и связаны изменения такого элемента культуры, как ценности. Что придет на смену ценностям — неясно. Религиозные ценности — связанные с конкретными конфессиями — тоже умирают.

Происходит структурная перестройка культуры, в том числе — смена ее базовых феноменов. На первое место постепенно выплывают более сложные, чем ценности, феномены. Появляются системы программ поведения в форме социальных практик. В связи с этим возникают сложности в оценке поведения, сложности в работе социолога, в том числе сложности в интерпретации конфликтов, поскольку многие конфликты имеют под собой хотя бы латентно основания в виде знакомых базовых, культурных феноменов.

До сих пор нет единого мнения, существует ли такой процесс как непрерывная эволюция культуры, ее «гладкое» развитие или, по крайней мере, изменение. Одно из возможных представлений, образных моделей динамики культуры — рост луковицы, в которой лепестки наслаиваются друг на друга, произрастая

от одного корня, но все они лишь соприкасаются друг с другом своей поверхностью. В соответствии с такой моделью динамика культуры дискретна. Правдоподобие такой модели можно обосновать находками археологов — ни разу еще не удалось обнаружить непрерывного развития одной и той же материальной культуры в одной местности, разные материальные культуры сменяют друг друга без всякого перехода. Если это так, то всякое сообщество содержит в себе одновременно в свернутом виде все прошлые культуры, и достаточно острая ситуация способна «проколоть» луковицу или содрать с нее верхние слои, так что общество внезапно (для стороннего наблюдателя и даже для себя) начнет жить по законам иной, давно казалось бы отмершей культуры. Подчеркнем, что мы не имеем в виду элементов материальной культуры, но лишь те, которые воплощены в мире символов.

В подобной модели нечто, проявившее себя сейчас как полезное, наслаивается на прошлые шаблоны, вытесняя их из общественного сознания, но не меняя. Развивается же не культура, а, например, технологии. Все прежнее покрывается новой оболочкой. Тогда в одном обществе возможно сосуществование субкультур, кажущихся на первый взгляд несовместимыми, без каких-либо конфликтов. И тогда термин «менталитет» приобретает довольно ясный смысл в качестве синонима понятия «субкультура».

С такой моделью хорошо согласуется также предположение о существовании феномена коллективных бессознательных оценок, которые раньше, при прежних слабых формах связи, информационной насыщенности, слабом взаимодействии, формировались только в простейшем виде как ценности, сказки, мифы, суеверия. Сейчас такого рода коллективные оценки, предложения, образы витают в воздухе, буквально везде, доходят до каждого в цивилизованном мире через развитые системы самых разнообразных информационных связей. Феномен так называемого коллективного бессознательного, впервые описанный учеником и последователем Фрейда Карлом Густавом Юнгом*, стал объектом внимания широкого читателя. Об этом говорит изобилие книг К. Юнга, лежащих на книжных уличных прилавках в одном ряду с «крутыми» детективами. Понимание действия этого феномена, осознание того, что в актуальные события реально вмешивается не просто вековая история в форме недавних или давно произошедших событий, но архетипы из доисторического прошлого как реальные силы, меняет мировоз-

---

* К. Юнг поначалу был любимым учеником и другом Фрейда. Но затем их отношения испортились до конца дней. Дело в том, что Юнг воспользовался центральной идеей Фрейда о том, что поведением человека в значительной степени управляют бессознательные влечения, формируемые какими-то индивидуальными детскими впечатлениями от первых взаимодействий с отцом и матерью, и повернул ее как бы наоборот. Не отрицая существования бессознательных влечений, их происхождение Юнг объяснял коллективными образами, созданными этно-национальной общностью еще в далекой древности и неосознанно воспринимаемыми членами общности в детстве как реальная данность. Происходит что-то напоминающее психологическую идентификацию индивида с невидимым образом, адекватным реальной для индивида ситуации на бессознательном уровне. Хотя, конечно же, восприятие индивидом актуальной ситуации как реальной также бессознательно может диктоваться коллективным бессознательным побуждением. Таким образом, Юнг в некотором смысле продолжил и развил учение Фрейда, освободив его от обвинения тех, кто испытывает необычные влечения в неких скрытых пороках и намерениях, недоступных индивидуальной сознательной оценке и порожденных некими «неправильными» отношениями младенца с родителями (11. с.503-505; 12. с.57). Это позволяет утверждать, что принципиально возможно создание фундаментальной социологии, основные положения которой будут верны для любого прошлого и будущего человеческого общества, для любой общности. См. также Приложение I.

Ф.М. БОРОДКИН

Социальный конфликт сквозь культуру

зрение, позволяет осознать, что эти архетипы могут быть и национально-этнически окрашены. Структура действий и конфликтной деятельности в зависимости от этого у разных национально-этнических общностей, их представителей может различаться. Кроме того, эти архетипы могут в определенных ситуациях начать управлять культурными директивами, управлять, таким образом, действиями масс — толпы или организованных сообществ — на подсознательном уровне. И тогда по окончании конфликта, особенно при трагической его развязке, почти невозможно будет понять его механизм без специальных знаний и сведений о таком феномене как коллективное бессознательное.

ДИАЛОГ

Е.М.: Я не согласна с приведенными утверждениями о падении роли ценностей в современных условиях. Полагаю, что обоснование главной идеи об отмирании значения ценностей страдает произвольностью, как и утверждение о возникновении ценностного отношения к миру в эпоху зарождения христианской церкви. Да, безусловно, ценность можно определять так, как это сделано в главе «Монолог» (далее — Монолог). Но едва ли удастся сохранить приверженность этой понятийной конструкции на базе иных, к примеру, пантеистических, эгоистических или атеистических мировоззренческих оснований.

Что именно — общественная практика или божественное откровение — является источником ценностей? Я совсем не уверена в том, что расхожее житейское правило «не делать другим того, чего не хочешь, чтобы они делали тебе» имеет своим основанием существование Христа, а не вполне тривиальный и массовый житейский опыт, приобретаемый индивидом или группой индивидов в процессе их социализации.

Сама по себе конструкция «ценности — ценностная вера — эмпирические верования — нормы — культурные директивы — конкретное поведение» возражений не вызывает, но ее исключительно теистическое основание представляется произвольным. С равным правом таким основанием можно считать социальную практику индивидов и групп. Поэтому тезис об отмирании ценностей следовало бы обосновывать с более широких позиций, чем это предложено в Монологе.

В этом случае предложенная конструкция должна быть уточнена, если не пересмотрена. Ценности окажутся тогда укорененными в конкретных ситуациях, по крайней мере, в ситуациях прошлых событий, в массовой практике человеческих взаимодействий и взаимоотношений. Такие события и ситуации зададут эталоны должного и желательного, одобряемого и поощряемого поведения, а тем самым зададут и цели текущей деятельности. Так что, получится, что ценности зависят от прошлых событий, обязаны этим событиям своим происхождением и содержанием, а не независимы от событий. Пожалуй, это главное мое возражение в связи с приведенным в монологе определением.

Вместе с тем, мне хотелось бы отметить, что выраженное в Монологе беспокойство об отмирании ценностей чрезвычайно плодотворно. Это беспокойство концентрирует наше внимание на сравнительно новой ситуации массивизации ценностного конфликта, которая имеет своим источником общественную практику, а именно, переходность социально-экономического статуса современного общества.

Центральным фактом общественной практики является совместная деятельность. Первоначальным моментом в осуществлении любой совместной деятельности является, скорее всего, если не совпадение, то хотя бы частичное пересечение индивидуальных ценностных областей*, включающихся в совместную деятельность субъектов (индивидов или групп). Такое пересечение обеспечивает возможность совместной деятельности.

Конфликт как особый вид совместной деятельности, такой, при котором его субъекты не просто осознают свои интересы и препятствия на пути их удовлетворения, но и действием отстаивают эти интересы, связан и с условиями, со способами, и с результатами деятельности. Когда конфликт имеет своим предметом непосредственно цели совместной деятельности, это как раз ценностный конфликт. Ведь именно на стадии целеполагания сличаются индивидуальные ценностные области участников предстоящей деятельности. Именно на этой стадии индивиды решают вопрос о своем личном участии в деятельности, об условиях такого участия.

Цели совместной деятельности могут стать в дальнейшем предметом конфликта, во-первых, из-за того, что участники деятельности по-разному их первоначально понимают. Во-вторых, потому что известные субъектам конфликта цели совместной деятельности служат для одних истинными целями, а для других — средством для привлечения нужных людей к сотрудничеству (средством манипулирования). В-третьих, в процессе деятельности может обнаружиться недостижимость, иллюзорность первоначальных целей, но не вполне очевидным образом для одной из участвующих в деятельности сторон. Наконец, в-четвертых, может оказаться, что средства, обеспечивающие достижение выбранных совместных целей, оказываются не вполне совместимыми с более важными и обширными фрагментами индивидуальных ценностных областей, нежели те, частичное пересечение которых обеспечивало целевую возможность совместной деятельности.

Например, жители Академгородка под Новосибирском высоко ценят чистоту леса вокруг жилых домов и институтов. Но одна часть жителей пользуется мусоропроводами, а другая обречена на то, чтобы избавляться от него более обременительным способом (мусор необходимо собирать и хранить до прихода особой машины в недостаточно удобное время). Ценность чистого леса теряет у части жителей свой приоритет, уступает место в перечне ценностей другой ценности, скажем, ценности «время — деньги». В итоге лес загрязняется, а жители домов с мусоропроводами вступают в конфликты с остальными жителями из-за «добавочного» мусора.**

Ценностный конфликт не разрешается, когда прекращается вызвавшая его деятельность. Разрешение ценностного конфликта или сопровождается радикальными изменениями в составе, структуре и приоритетности ценностей одного из

* Индивидуальная ценностная область — важный элемент сознания индивидов, который суммирует усваиваемые индивидом в процессе его социализации понятия о том, что хорошо или плохо, важно или безразлично [прим. Е.М.].

** Но конфликты такого типа в соответствии с определением, данным в Монологе, с которым Е.М. согласилась, как согласилась и с последовательностью от ценностей к культурной директиве, не являются «ценностными» конфликтами, поскольку в приводимых выше оппонирующих нам примерах говорится вовсе не о ценностях, а о нормах, принятых в данном территориальном сообществе, да еще вдобавок в различных частях этого сообщества [прим. Ф.Б.].

субъектов конфликта или порождает феномен «двоемыслия» и, соответственно, выражается в особом структурировании последующей деятельности субъектов конфликта. При таком переструктурировании отдельные фрагменты деятельности больше не пересекаются и существуют как бы и «параллельном» времени. Каждый из фрагментов при этом может подчиняться не просто различным, но совершенно несовместимым ценностям.

Двойной стандарт, нередко применяемый людьми в оценке своих собственных и чужих поступков, феномен групповых норм — религиозных, национальных, классовых, профессиональных, половозрастных и т.д. — наглядно показывают, что сочетание несовместимых ценностей — довольно широко распространенное явление.*

Вместе с тем, представляется, что широкое распространение ценностного конфликта, его массивность — внешний признак, атрибут особой информационной фазы в развитии общества и одновременно — общий индикатор переходности социально-экономического статуса общества в целом. Под социально-экономическим статусом общества понимается при этом не только особый порядок организации его экономической сферы (способ производства), но и неоднозначность положения экономической сферы в пространстве жизнедеятельности общества (т.е. ее необособленность, гипертрофия и подчиненность) (13). Социально-экономический статус любого общества подвижен. Он или развивается или деградирует. Но при этом в каждый конкретный момент времени такой статус характеризуется либо известной определенностью, либо отчетливой переходностью.

Рассмотрим сначала первый случай. Весьма многие исследователи сходятся в том, что определенность социально-экономического статуса общества существует в трех главных формах, а именно, в традиционной, индустриальной и постиндустриальной. При том виднейшие теоретики конца XIX — начала XX столетий (Г. Спенсер, Э. Дюркгейм, М. Вебер) описали в своих работах первые две формы такой определенности, а современные учебники (конец XX века) сосредоточились на сравнении второй и третьей ее форм (Дж. Гэлбрейт, О. Тоффлер, Д. Белл). При этом первая форма определенности является исторически первоначальной (ее поэтому зачастую именуют патриархальной, традиционной). Она дольше всего сохраняется в современных условиях там, где главным источником экономического благополучия продолжает оставаться природное вещество (т.е. обширная территория, благодатный климат, высокое естественное плодородие земли и т.п.) (14).

Для такой традиционной формы организации экономической жизни вполне адекватными являются ценности неизменного порядка распределения экономических благ, источником которых является «земля-матушка». Социальными гарантиями неизменности является сильная и стабильная власть, определенная и неизменная (сословная) общественная иерархия. Высокие ранги ценностей поряд-

ка и устойчивости в сознании населения обеспечивают легитимность верховной общественной власти, основанной на силе и внеэкономическом принуждении, и способствуют развитию бюрократического порядка, ведут к постепенному усложнению, специализации и детализации властных правил и обеспечивают, в

* Оценка конкретных действий производится далеко не всегда на основе ценностей. Она может делаться на базе господствующих в данном сообществе и в данное время норм. Нормы же, связанные с одним и тем же списком ценностей, могут быть и противоречивыми. Например, может быть вполне допустимо нарушение ценности "не укради" в зависимости от обстоятельств, цели и формы кражи [прим. Ф.Б.].

конечном счете, всестороннюю бюрократизацию общественной жизни.

Традиционная форма общества и вместе с ней устойчивая распределительная система ценностей сохраняют свое значение до тех пор, пока сохраняется и воспроизводится природное вещество в качестве вначале единственного, а впоследствии господствующего основания всеобщего благополучия. Когда же к первому (природному) основанию присоединяется второе — человеческая способность к экономии природного вещества, к его приумножению и эффективному восстановлению, т.е. когда сначала дополнительным, потом равноправным и в дальнейшем — господствующим фактором благополучия становится человеческая способность к производительному труду, к отысканию новых комбинаций экономических факторов, тогда значимость традиционной формы организации социальной жизни понижается и постепенно упраздняется (15). А вслед за этим изменяется система ценностей. Понижается ценность власти, порядка, иерархии и растет ценность имущественных гарантий экономического риска, денежных отношений, эффективности затрат и т.д.

Снижение общественной значимости одних — распределительных и потребительских — и одновременное повышение значимости других — созидательных и трудовых, а также предпринимательских и рыночных — ценностей вызывает рассогласование целей деятельности, т.е. вызывает ценностный конфликт, который служит признаком утраты определенности и возникновения переходности социально-экономического статуса общества. Если при этом происходит монетаризация* системы ценностей, то налицо первая прогрессивная форма переходности — либеральная. Если в дальнейшем монетарная (рыночная) система ценностей уступает место прежней распределительной, то можно говорить о регрессивной форме переходности или о традиционализме (в современном Иране, в Германии — при фашистах, в СССР — при Сталине и т.д.).

Второй формой определенности социально-экономического статуса общества является свободная рыночная, капиталистическая форма, которая сохраняется до тех пор, пока сохраняется частная имущественная ответственность за динамичность поиска новых эффективных комбинаций экономических факторов, к числу которых добавляется капитал — неприродное средство производства, приводимое в движение с помощью наемного труда.

В этих условиях новое значение получают прежде отвергаемые ценности личного материального благополучия. Ценность общественной иерархии сохраняется. Но такая иерархия становится более подвижной и основывается не на силе, а на выгоде, не на власти, а на экономическом принуждении. Вместе с этим увеличивается подвижность индивидуальных ценностных областей: человек получает возможность изменять свой общественный статус, а значит — пересматривать однажды усвоенные представления о хорошем и должном, совершенствовать индивидуальный ценностный список (16).

Господство новых рыночных ценностей в сознании населения обеспечивает устойчивость общества капиталистического типа. Постепенно, однако, последовательное применение рыночных правил социального взаимодействия приводит к такому сокращению времени производства благ и услуг, что время утрачивает

* Монетаризация системы ценностей — это постепенное перенасыщение ценностного списка ценностями вещественного богатства, денег, обмена и вытеснение из этого списка ценностей справедливого и честного распределения результатов деятельности.

Ф.М. БОРОДКИН
Социальный конфликт сквозь культуру

как индивидуальную, так и общественную ценность. Его место в массовом сознании занимают досуговые и смысло-жизненные ценности, а ценность вещественного богатства вытесняется ценностью знания, т.е. информационного богатства как способности к усвоению и производству знания. Изменение индивидуальных ценностных областей происходит, по всей вероятности, асинхронно, что и вызывает к жизни ценностные конфликты.

Одновременно, как представляется, происходит персонализация ценностной области массового сознания, ценности монетарные вытесняются ценностями индивидуального и массового творчества. Способность же к творчеству определяет место индивида и группы в общественной иерархии. Такая иерархия приобретает исключительную подвижность, большую, чем, к примеру, сегодняшняя подвижность состава совладельцев транснациональных корпораций, многие из которых, как известно, не вполне представляют себе переменные, весьма изменчивые во времени и пространстве источники своих дивидендов.

Переходом от монетаризации к персонализации и гуманизации системы массовых ценностей сопровождается второй прогрессивный тип трансформации социально-экономического статуса современного общества — его информатизация и гуманизация. Негативным признаком неопределенности (переходности) такого типа является экзистенциальный вакуум. Неготовность масс к персонализации системы ценностей может стать не просто источником новых ценностных конфликтов, она может обернуться попятной, регрессивной формой общественного движения, даже возвратом к традиционным ценностям земли и крови, т.е. неофашизмом. Ведь фашизм — это регрессивная реконструкция смысложизненных ценностей патриархально-общинной фазы в развитии социума на индустриальной экономической базе.* Но персонализация системы массовых ценностей, если она достигнута на практике, превращает ценностный конфликт в естественную, повседневную форму межличностного и межгруппового, т.е. социального взаимодействия. Борьба целей, новое упорядочение ценностей, которое теряет смысл прежде чем достигается, — вот новый источник движения в информационном обществе. Такая ситуация действительно создает ложное впечатление отмирания (упразднения) ценностей в качестве упорядочивающего основания социальной жизни. Но с равным, как мне представляется, основанием можно доказать противоположный тезис — происходит не отмирание, а гипертрофия ценностей, они превращаются (следом за усложнением социальной практики) в ведущую пружину общественных взаимодействий. И вполне закономерно в этих условиях массивизируется ценностный конфликт.

Д.Б.: У меня ряд вопросов к Е.М.

Первый: что означает фраза, что так называемый ценностный конфликт не разрешается после прекращения составляющей его деятельности? Предпосылки для конфликта остаются в сознании участников и само наличие деятельности не играет роли? Конфликтность укоренена в ценностях и там же и останется и всегда

---

* Данное утверждение мне кажется не только бездоказательным, но крайне сомнительным. Наличие такого феномена как вождь в данном случае скорее является признаком обращения к мистическим символам. А если еще вспомнить фашистский символ и устремленность фашистской идеологии в сторону т.н. Шамбалы, Тибета, то связи между нормами фашистского общества и нормами традиционно-патриархального окажутся весьма призрачными, настолько же призрачными, как и связи между нормами т.н. научного и первобытно-христианского коммунизма [прим. Ф.Б.].

будет присутствовать в сознании, если не будет каких-то радикальных в нем изменений?

Е.М.: Могут быть два варианта. Или конфликт не разрешим, а разные ценностные поля разводятся в разные деятельностные поля. Или, если какая-то из сторон согласилась пересмотреть свои ценности, у сторон может появиться какая-то совместная кооперативная деятельность, и ценностный конфликт может считаться разрешенным.

Деятельность всегда осуществляется с некоторой целью. И если люди участвуют в совместной деятельности (кооперативной или конфликтной), то у них, по-видимому, есть пересечение ценностных областей. Но их первоначальное согласие осуществлять кооперативную деятельность может быть иллюзорным, и в ходе деятельности они могут понять, что их ценностные области несовместны. Тогда они либо разойдутся в «параллельные миры», либо начнется взаимное сближение их ценностных полей, либо какая-то одна сторона изменит свои ценности.

Д. Б.: Что означает выражение «персонализация системы массовых ценностей»?

Е.М.: Когда общество более или менее однородно (в том числе и в экономическом плане), то и система ценностей этого общества более или менее однородна. Все носители этих ценностей в примитивном, традиционном, патриархальном, допромышленном обществе в ценностном отношении ближе друг к другу, поскольку ценности однородны. Но чем сложнее становится деятельность в промышленном и в информационном обществах, тем больше возникает ценностных миров.* И в идеале можно говорить, что каждый субъект деятельности, индивид становится носителем персонального ценностного мира. Этот мир есть точка в поле ценностных миров.

Ф.Б.: У меня возникло принципиальное возражение. Дело в том, что ценности не являются продуктом индивидуального производства и индивидуального пользования. Они — принадлежность общества, и так и определяются как происходящие от общества, а не от одного какого-то отдельного человека. Какой-либо индивид может, конечно, сформулировать свои ценности в качестве предложения обществу. Но дело общества принять их или не принять как значимые и для других. Может родиться гениальный человек, ценности которого станут ценностями общества, но таких — единицы в истории человечества. Таким был Христос. И если тот процесс, о котором Е.М. говорила, будет осуществляться, это будет не только кризис ценностей, но и гибель ценностей и появление вместо них какого-то иного инструмента сравнения культур и индивидов друг с другом в одной культуре, оценки поступков и ситуаций, какого мы себе пока и не представляем. Это будет общество индивидов, каждый из которых претендует на роль Христа и его апостолов.

Как на пример столкновения, своим течением и окончанием обязанный господствующим в сообществе ценностям, я бы хотел указать на конфликт с сапогами.** В этом конфликте мы имеем дело с институциональным столкновением, потому что гости нарушили нормы, предварительно продемонстрировав,

*В отождествлении традиционного и примитивного обществ содержится явное противоречие. Примитивное общество древнее традиционного, иначе называемого патриархальным, проще последнего. Кроме того, именно допромышленное общество в VI-X веках как раз положило начало приватизации всей жизни под давлением варваров, сторонников индивидуализации даже в праве [прим. Ф.Б.].

** См. Приложение II.

что они принадлежат к сообществу, исповедующему нормы такого же типа. Именно нормы того же общества, а не общины, потому что община связана с более или менее конкретным собранием людей. В то время Россия была больше, чем на 80%, крестьянской. Они нарушили нормы крестьянского социума.

Последовало наказание. Но это было не только наказание. Это была и демонстрация для других, обучение. Те, кто били, защищали, конечно же, свои собственные интересы, но оказались одновременно и агентами институтов, и агентами этой общины. То, что конфликт является социальным.

Избив и не убив этих воришек и, более того, послав к ним лекарку, крестьяне одновременно продемонстрировали свое уважение к другой общехристианской ценности — «Не убий!»

Е.М.: Я хотела бы возразить по поводу нормы «не убий». Норма «не убий» имеет место там, где право наказания (право мести) за нанесенный ущерб не принадлежит непосредственно пострадавшим. Этот ущерб взыскивает община. Община не убивает, взыскивая ущерб. То, что вы называете общечеловеческой ценностью «не убий», не только родовым образом связано с правом общинного возмещения ущерба, но тождественно ему.

Ф.Б.: Я все же отмечу, что «Не убий!» — не норма, а ценность и потому далеко не всегда на ее основе формируется непосредственная директива на действие. Убийство может совершиться, а мучения совести, упрекаемой ценностью, начнутся потом. Ценность тем и отличается от нормы, что она в наиболее общем виде определяет, что «хорошо», а что «плохо» для данного общества, а не только в рамках определенной общины. Может быть, неверно говорить об общечеловеческой ценности. Но это все-таки не норма, а ценность значительной части человечества и хотя бы христианской цивилизации.

Е.М.: Напомню практику, в которой индивиды не считались убийцами в этой самой российской общине — если в наказании участвовали все. Так называемая круговая порука описана в нашей литературе. Участники расправы не считались убийцами, хотя и лишали человека жизни. Забивали человека насмерть. Но не убивал никто. А что такое библейское побивание камнями? Это тоже не убийство. И за него никто конкретно не отвечал. Отвечали все, «кругом». Эта практика актуальна для нас и сегодня. Я имею в виду не только «лагерные», «тюремные» или «теньевые» взаимодействия.

Когда мы говорим о человечестве в целом, то вопрос ценностей (их разработки, определения их иерархии) большинства живущих индивидов не касался, не занимал. Они воспроизводили свою жизнедеятельность, существовали как биологические индивиды, трудились, воспроизводились. А ценности им откуда-то доставались. И существовал в обществе особый слой, который занимался созданием, построением системы ценностей. Пока этот слой был очень малочисленным, то и система ценностей, которую он мог выработать, была очень бедной. Это было в обществе, где личность подчинена обществу. Но по мере развития экономической сферы общества, роста производительности труда, расширения досуговой деятельности, когда для воспроизводства себя как биологических индивидов людям не нужно уже работать по 14-16 часов в день и уходить на покой из сферы труда в состоянии полного физического разрушения, происходит рост числа людей, которые занимаются продуцированием ценностей. В сегодняшнем обществе возникает экзистенциальный вакуум — пустота на месте смысла для большинства людей, которые вполне

благополучны в экономическом и социальном отношениях. И любому индивиду становится просто невозможным не думать о смысле, о ценностях.

Ф.Б.: Я против произвольных реконструкций прошлого.

Во-первых, досуговая деятельность в прошлом не была так мала, как многие это себе представляют. Во-вторых, современное понятие досуга вряд ли совпадает с пониманием свободы деятельности в доиндустриальном обществе. Если под досугом понимать время, когда индивид принимает решения о его распределении сам, без внешней жесткой регламентации, мы имеем дело с одним понятием досуга. Если же речь идет о времени, свободном от зарабатывания средств на жизнь или от принудительного труда, мы встречаемся с совершенно иным представлением о досуге. Например, в XII-XIV веках рабочих дней в Европе было меньше половины года, в остальные дни было запрещено работать.* Сомнительно, что в этих условиях люди не занимались ничем, кроме биологического воспроизводства. Тем более, что к XV-XVI векам в городах Европы уже сформировалась модель всего двух-трехдетной семьи. Поэтому и биологическое воспроизводство в этом смысле людей не очень-то и занимало.

Во-вторых, ценности могли возникать не обязательно в ареале всего человечества, но и в пределах одного племени, города, одной местности, локальной общности, например, в пределах цеха, где люди, живя и постоянно попадая в конфликтные ситуации, вынуждены были придумывать все новые способы принятия решений в этих ситуациях, осуждения одних, поддержки других, что делается уже на базе каких-то ценностей. Кроме того, сомнительно, что ценности чем-то управляют. Я не встречал в литературе утверждения о том, что в обществе существовал некий узкий слой людей, специализацией которых было придумывание ценностей.

Это все — реконструкции. А раз так, мы должны допускать и иную реконструкцию, которая приводит к такому же результату.

Д.Б.: Правильно ли, что системы ценностей жестко привязаны к формам социально-экономического статуса общества: у одной формы такая-то одна система ценностей, у другой — иная? Тогда у традиционного и индустриального обществ можно постулировать некоторые общие ценности, у постиндустриального же их нет, а есть принципиальное многообразие ценностных миров. И второе. Социально-экономический статус общества — конструкция, охватывающая об-

* В ту эпоху рабочий день ремесленников, например, в Париже продолжался от рассвета до заката, т.е. световой день (14-18 часов летом и 10-12 часов зимой). Без перерывов на завтрак и обед длительность рабочего дня соответственно составляла 12-14 часов.) Зато нерабочими днями, например, у парижских булочников были все воскресенья и 60 церковных праздников, т.е. 110 календарных дней. Кроме того, во все предпраздничные дни рабочий день укорачивался на 3-4 часа. Таким образом, полных по продолжительности того времени рабочих дней в году было около 170. Рабочее время меньше, а заработная плата выше были у строителей. «Начавшийся в XI веке мощный подъем строительства — важнейший феномен экономического развития в средние века — состоял очень часто в замене деревянной постройки каменной... Владение каменным домом — признак богатства и власти» (6, с. 195). К этому на немецкой земле добавлялись т.н. «синие» понедельники — нерабочие дни у отдельных рабочих вследствие тяжелого похмелья после больших пьянок в воскресные дни. К необходимости отдыха в такие дни все относились с полным пониманием. Такое обилие нерабочих дней, как и огромное количество празднично бредущих по дорогам монахам, скорее всего, было мерой предотвращения кризиса перепроизводства в условиях ограниченного спроса. На это же была направлена и система заказов, являвшаяся основой работы всех цехов без исключения. В то же время, количество рабочих дней у европейских рабочих начала XX века было около трехсот (16, с.147-153; 17, с.151-152).

Ф.М. БОРОДКИН
Социальный конфликт сквозь культуру

щество в целом, а ценности — только одна из общественных подсистем. Нет ли тут противоречия? Считаю, что логичнее ценности связывать не со статусом общества, а с людьми.

Е.М.: Связь между статусами общества и ценностями есть. У людей того времени, работавших по 14-16 часов в сутки и живших всего до 30 лет, на выработку новой системы ценностей физически оставалось мало времени, и этим могли заниматься только те, у кого досуг являлся полноценным или для кого это — профессия. Люди таковы, каковы условия, в которых они живут и действуют.

Ф.Б.: Во-первых, я хотел бы повторить свои возражения относительно существования в обществе профессиональных изобретателей ценностей и относительно понимания досуга.

Во-вторых, я хотел бы сказать, что Е.М. продемонстрировала вполне логичный подход, которым руководствуется одна из научных школ в социологии, а именно — конфликтная. Иной результат можно получить, рассуждая с позиций, например, символического интеракционизма. Правильным будет и противоположное высказывание: ценностная среда существования людей — результат деятельности и взаимодействия этих же людей. Я склонен утверждать, что оба высказывания верны одновременно.

Е.М.: Во всяком случае я предполагаю, что многообразие ценностных систем усиливается в процессе развития общества от традиционного к модернистскому и наличие конфликтов, которые я назвала ценностными, является идентификатором той стадии развития общества, которую многие называют информационной.

Н.Ш.: Идеи относительно ценностей, их связей с культурой и религией уже звучали в социологии и были опубликованы довольно давно.

Об усилении многообразия ценностных систем в процессе развития общества говорили многие. Например, Г. Маркузе сравнивал ценностные системы развитого индустриального общества и постиндустриального (информационного) общества, отмечая, что по мере развития общества в нем создаются все более удобные формы социального контроля (18, с.35). Анализу ценностных систем посвящены работы и других представителей Франкфуртской школы. Так, В. Беньямин воспроизводит в своих работах эволюцию ценностных систем более чем за вековой период. В противоположность культурной диалектике прошлой эпохи он рассматривает процесс развития современной культуры как все более субъективистский (19, с.28-44). В целом в концепции культуры Франкфуртской школы можно выделить два положения:

1) идея кризиса современной культуры раскрывается в связи с другими сторонами общественной жизни, а значит, кризисные тенденции развития культуры (включающей ценности) предстают как социально обусловленные;

2) ценности могут создаваться отдельными личностями, гениями, которые сильны своей исключительностью и отчуждены от общества (20, с.56).

Хотелось бы услышать примеры ценностных конфликтов и их отличие от других. И могут ли быть какие-то еще конфликты, не ценностные, имеющие цели совместной деятельности в качестве своего предмета?

Е.М.: С такими конфликтами мы сталкиваемся, когда имеем дело с управленцами и их проблемами. Например, представители администрации области должны были объехать с несколькими священнослужителями весь Обский бассейн, чтобы дать возможность населению получить доступ к любым конфессиям. Они ехали на теплоходе, останавливались в разных местах и устраивали там встречи

служителей различных конфессий с населением. Предварительно прозванивался весь маршрут и с местными властями обговаривались организационные вопросы: информирование населения, доставка населения из отдаленных поселков к пристаням и пр. Местные власти обещали все сделать, но нужных действий не предпринимали по причине именно ценностных конфликтов: обкомы исчезли, так вы теперь «священных» идеологов сами возите!

В.Г.: Придумать можно любые конструкции на спекулятивной, а не фактической основе, и в них самих нет критериев для сравнений. Эти критерии может дать только практика. Надо взять забастовку или какой-то другой, но явно жизненный конфликт, в котором всегда есть что-то не очень хорошее, и увидеть его причину.

Как будто бы очевидно, что должны быть конфликты, основанные на разности ценностей. Но боюсь, что ценностные конфликты принципиально неразрешимы. А если так, то стоит ли их изучать? Ибо мне интересны лишь такие конструкции, которые ведут к решениям, к новым механизмам разрешения конфликтов. Можно сказать и иначе: если ценностный конфликт принципиально неразрешим, то это вообще не конфликт, а некое состояние человеческой природы, общества.

В обществе существует несколько ценностных систем, а потому существует и некое взаимное непонимание у людей — носителей этих ценностных систем. Это непонимание нужно принять как данность, условие существования людей в обществе, с которым нужно считаться, но которое не нужно пытаться изменять, разрешать и т.п. Наверное, это достойно специального изучения, поскольку ясно, что, живя в таком обществе, всякий человек неминуемо время от времени будет попадать в подобные ситуации (их можно назвать ценностными конфликтами).

Возникают вопросы и о том, как часто можно попадать в эти ситуации, по какому поводу, в каких общностях и т.п. И, вероятно, Е.М. права, говоря, что по мере развития общества (если согласиться с теми, кто считает, что общество развивается) люди все меньше регулируют свое поведение на основании чисто экономических соображений и могут все больше позволить себе не отказываться ради экономических от других благ, вследствие чего количество ситуаций, когда люди не соглашаются друг с другом из-за расхождения ценностей, будет возрастать.

Мне совсем не нравится мысль, что ценности в обществе продуцируются только какими-то особыми, узкими слоями. По-моему, это не так. Ценности не являются чьим-либо изобретением (кто-то изобрел какую-то систему ценностей, а потом сообщил эту систему остальному человечеству). Скорее ценности есть продукт естественного существования и жизнедеятельности людей, всех людей, всех слоев, а церковь, богатые или другие подобные люди эти ценности записали (ибо они как раз умели писать) или иным образом артикулировали.

Но, наверное, есть какие-то конфликты, суть которых состоит в столкновении ценностей. И их надо выявить и показать. И дальше искать специфические механизмы их разрешения. Если такие специфические механизмы существуют, то и такие специфические конфликты есть смысл выделять. А если нет — то и выделение их — некая спекуляция. Названия можно, конечно, придумывать, но чаще всего этим все и кончается. С названия же все должно только начинаться. Разные названия свидетельствуют о разной природе конфликта, а значит, нужно искать какой-то новый механизм, с помощью которого этот тип конфликтов можно разрешить.

Ф.М. БОРОДКИН
Социальный конфликт сквозь культуру

Ф.Б.: Я вполне разделяю позицию, заключающуюся в том, что заниматься конфликтами имеет смысл с надеждой на их разрешение, ибо если никакого выхода из какой-то конфликтной ситуации никто не видит, то и зачем на нее время тратить. Но как отличить одно от другого? Пусть ко мне обратились как к консультанту некие люди и говорят: «Помогите, пожалуйста, нам разрешить наш конфликт. Мы ссоримся друг с другом уже целый месяц и готовы друг друга убить. Мы же должны найти какой-то выход для нашей совместной жизни». Первое, что я должен сделать как социальный инженер, — понять, разрешим ли этот конфликт в принципе, переводим ли он в мирные взаимоотношения или вообще не переводим. И если поверить, что такой конфликт, где главным основанием является несоответствие ценностей, не разрешим и вообще не является конфликтом, но частью природы, то я же должен это понять и сказать обратившимся ко мне: «Люди! Это не конфликт, вы зря друг на друга злитесь и у вас только два выхода: либо разойтись по разным домам, поселкам, континентам, либо понять, что у одного одна культура, а у другого — другая. И если одна из конфликтующих сторон сможет это понять и вдобавок принять догмы чужой культуры (т.е. — ценности), то этот конфликт между вами и кончится. Есть и третий выход: поняв разность ценностей, наложите табу на эти взаимоотношения и запретите любые столкновения по этому поводу». Но для того, чтобы это заметить и сказать, я должен уметь отличать подобные ситуации от других. А потому о них совершенно необходимо говорить.

Теперь о ценностном конфликте. Похоже, что позиции В.Г. и Е.М. совпадают. Если списки ценностей, говорят они, у двух индивидов или социальных групп не пересекаются, то никакого конфликта и быть не может, поскольку нет никаких условий для совместной деятельности. Конфликт — все-таки вид совместной деятельности эмпирического звучания.

Несколько возражений

Прежде всего терминологическое: словосочетание «список ценностей» лучше, чем поле. Мне представляется неудачным и общепринятое выражение «система ценностей», ибо система — нечто непротиворечивое внутри себя. В то же время, набор ценностей даже одного человека совсем не обязан быть непротиворечивым. Я часто по этому поводу вспоминаю Леонида Андреева с его великолепным рассказом «Дьявол и десять заповедей». Он гениально показал, как следование каждой одной ценности (заповеди) ведет к неминуемому нарушению других. И дьявол в рассказе становится человеком только тогда, когда он запутывается в этих ценностях, не может сделать их непротиворечивыми, отказывается их ранжировать, не раздумывает над тем, какая из заповедей перед какой имеет преимущество.*

Почему осуществление совместной деятельности, тем более — конфликтной обязательно требует совпадения по меньшей мере некоторых ценностей? Разве не

---

*Сюжет этого рассказа таков. К смертельно больному священнику в одном итальянском городе явился дьявол и попросил батюшку научить его стать человеком, потому что ему надоело действовать против людей. Батюшка посоветовал дьяволу исполнять Христовы заповеди. Дьявол, всегда действующий строго логично и последовательно, принялся исполнять эти заповеди одну за другой. Каждая попытка кончалась для него плохо — его избивали, отбирали у него все, он мерз и голодал без помощи. Вконец измученный, в коросте, больной, завшивленный, голодный он явился к священнику в последний раз перед самой его смертью и пожаловался, что он окончательно запутался и не знает, что делать. И в последние секунды своей жизни батюшка прошептал ему: «Вот теперь ты становишься человеком».

могут конфликтовать (т.е., например, бороться за достижение своих целей) между собой группы с совершенно противоположными ценностями? Например, церковному приходу и банде рэкетиров нужны деньги, доход. Овладение частью доходов предпринимателей, состоящих в данном приходе, может быть целью и тех, и других, хотя способы овладения и основания формально совпадающих целей оказываются совершенно различными. Если предприниматель решится значительную часть своего дохода жертвовать церкви и откажет рэкетирам, они, при определенных условиях и при достаточном цинизме своих вожаков, могут «наехать» на церковь, т.е. вступить с ней в конфликт. Ясно, что в этом случае ни одной одинаковой для тех и других (церкви и бандитов) ценности нет.* Я думаю, что можно найти и более внушительные и точные примеры такого же рода. Мне кажется, что ценности (их список, актер и т.п.) не могут быть ни необходимым, ни достаточным условием конфликта. В то же время, они определенно влияют на формирование целей, выбор способов действий в конфликте, способов его разрешения, других форм поведения. Возможно, стоит рассмотреть цели-средства и цели-состояния отдельно. Например, и церковь и рэкетеры хотят быть богатыми. Но богатство для церкви лишь средство, а для бандита — главная характеристика его состояния (материальное благополучие и жизнь в роскоши, когда можно себе ни в чем не отказывать).

Не очень понятно, какая именно совместная деятельность имеется ввиду. Ведь конфликт также объявлен хотя и специфической, но совместной деятельностью (что, на мой взгляд, совершенно правильно). Все же есть два типа совместной деятельности, противоположных по отношению друг к другу — кооперативная и конфликтная (и, в частности, конкурентная). Таким образом, если речь идет о кооперативной деятельности, то конфликт на ценностной основе может вполне возникнуть как борьба за право оценивать некоторые детали такой деятельности, как-то: нормировать ее, устанавливать какие-то правила. Если кооперативный партнер претендует на единичную или преимущественную оценку, то такая борьба (конфликт) может возникнуть. Образно говоря, конфликт может возникнуть, если один из партнеров по совместной деятельности претендует на роль судьи в оценке того, что именно в этой деятельности «хорошо», а что — «плохо» и как следует поступать, чтобы оценка действий с его стороны была позитивной, в то время, как другой партнер не разделяет предлагаемых оснований оценок.

В соответствии с приведенным выше определением ценностей и культуры двоимыслие — вполне поведенческая вербальная внутренняя реакция индивида из одной субкультуры, вынужденного по какой-то причине существовать в иной культурной среде, реагировать на культурные директивы этой среды. Примеры легко привести из жизни, литературы, кино. С этой точки зрения ценностям непосредственно никакое поведение вообще не подчиняется. Не имеет значения, насколько совместимы ценности взаимодействующих субъектов, если только сами по себе именно они не являются объектом конфликта («Стань таким, как я хочу»).**

Мне представляется недостаточно обоснованным (или для меня непривыч-

* Православная церковь молится за Кудеяра-разбойника. Но прощение грехов раскаивающимся есть одна из ценностей.

**По этому поводу см. Приложение III.

Ф.М. БОРОДКИН
Социальный конфликт сквозь культуру

ным) отождествление традиционной и бюрократической формы социальных отношений. Бюрократическая форма является результатом разделения труда и функций (и не только вертикального). Она требует существования формализованных технологий и норм. Этого в традиционной форме совершенно нет.

Не могу согласиться, что двоемыслие обязательно отражает наличие двух видов ценностей. Двоемыслие — вербальное поведение, а оно не обязано подчиняться каким-либо ценностям. Да и вообще поведение ценностям не подчиняется, оно скорее согласуется с нормами и следует неким культурным директивам или противостоит им.

Е.М.: Конечно, у людей могут быть и вполне противоречивые наборы ценностей. Что же касается систем ценностей (непротиворечивых), то я отчетливо могу различать только три: патриархальная или властная; монетарная или либеральная; творческая или информационная.

В.Г.: Вот, например, почти столетний конфликт протестантов и католиков в Северной Ирландии. Его обозначают как ценностный, но является ли он таковым? Я атеист и не понимаю всей глубины ценностного отличия этих двух религий. Поэтому я приставал к англичанам с таким вопросом: «Допустим, что вы не знаете, кем являются выбранные для наблюдения люди — католиками или протестантами, и пусть запрещены прямые вопросы или чисто религиозные тесты (например, в какую церковь ходят, какие обряды соблюдают и пр.). Можете ли вы по анализу их обыденного поведения или высказываемых ими оценок установить, кто они?» Подавляющее большинство ответили, что не могут. Таким образом, получается, что этот религиозный аспект сегодня значения не имеет. Просто по каким-то причинам один называет себя католиком, другой — протестантом, но в обыденной жизни они одинаковы.

Второй момент, который я пытался выяснить: действительно ли война в Ирландии почти сто лет идет по этому именно поводу? Ответ однозначный — конечно, нет.

Ф.Б.: Но ценностный аспект в этом конфликте, конечно, просматривается. Кроме того, все же обыденное поведение непосредственно ценностям не подчинено. Одни и те же поступки могут совершаться при следовании даже противоположным ценностям. Ценности не выполняют функции управления поведением, они его оценивают. Результатом такого оценивания могут быть мучения совести, столкновение намерений и того, что человек на самом деле совершает, столкновение души и тела. Здесь мало рационального.

Е.М.: Вы разговариваете с человеком. И то, поделится ли он с вами своими знаниями или нет, зависит от того, как он вас идентифицирует: как своего сторонника или как противника. Если он воспринимает вас как сторонника, он раскрывается, поддерживает вас, а если видит в вас чужого, закрывается, препятствует вам и пр. Его тревожит ситуация, если вы не идентифицируемы.

Ф.Б.: Но это справедливо не обязательно в связи с ценностями. Враги очень часто исповедуют одни и те же ценности и конфликтуют из-за разного понимания, например, способов их реального воплощения.

Е.М.: Если основание для конфликта — не ценности, то по поводу чего можно конфликтовать?

В.Г.: Например, по поводу интересов: когда двум сторонам что-то надо, а «это» ограничено.

Е.М.: Только по поводу чего-то материального?

В.Г.: Не обязательно. Можно и по поводу власти (которая в моем понимании есть и возможность получения дополнительных благ, и возможность быть неподотчетным другим, и чистая возможность манипулировать, распоряжаться другими — а они мной не могут), и по поводу будущего моего ребенка, и по условиям самореализации, и пр.

М.Р.: Мне непонятно, почему так много объясняется на примере религии. Культура сводится в основном к религиозным представлениям, но ведь это понятие шире. Неясно, кто носители идеи порядка. Что такое культурные программы и не сводятся ли все глубинные основания просто к ценностям?

Д.Б.: Религия хорошо демонстрирует влияние культурных оснований на конфликт. Кроме того, религиозное мировоззрение представляет собой определенную культурную доктрину. В связи с этим я особо хотел бы подчеркнуть роль доктрины в социальном конфликте.

«Стороны оценивают имеющуюся у них информацию в свете своих доктрин... Существуют несовместимые способы организации опыта» (21, с.44-46). Трудно представить себе современное общество, где сознание людей упорядочивается только одной какой-то концепцией, а значит в самой культуре, вероятно, изначально присутствует потенциальная конфликтность, — возможность столкновения плохо совместимых картин реальности.

Но вообще отсутствие какой-либо доктрины также может быть источником социальных конфликтов. Например, описывая российское общество сегодня, многие исследователи отмечают, что «сегодня отсутствует интегрирующая идея, общезначимые ценности, проекты, поддерживаемые обществом в целом» (22). Черта российских конфликтов на многих уровнях — моральная деградация людей как итог глобального кризиса. И разве это уже не становится укорененным в культуре?

«Исследователями отмечаются следующие особенности глубинных структур общества, от которого мы сейчас пытаемся уйти. Это недоверие к другим, нежелание и неумение отсрочить получение желаемого результата, недоверие к новому, знание мифологии, а не реальности своего мира, доверие и привязанность прежде всего к кровнородственным связям» (23, с.9). Так могут описываться упорядочивающие культурные программы. Может быть, полезно рассмотреть отношение к конфликту разных видов подобных «программ».

Та или иная укоренившаяся культурная доктрина может стать достаточным основанием для конфликтогенных отношений. Прямые связи с этическими доктринами, разумеется, не обязательны, но важно обращаться к изучению глубинных культурных оснований конфликта наряду с видимой ситуацией и наблюдаемым поведением, поскольку порядок в отношениях, устойчивые ориентиры (стандарты) восприятия и поведения приходят от культуры и проявляются в конфликтах в виде целей сторон, их склонностей, мотивов и хабитусов. К примеру, дзэн-буддисты утверждают, что «конфликт привлекает людей слабых и ограниченных, с большим мышлением... они втягивают в свое несчастье окружающих, ибо наслаждаясь чужим страданием, легче переносят свои...» (24, с.22), а мусульманство, наоборот, в своих крайних формах всегда готово нести правую веру «огнем и мечом».

М.Р.: Акцент на религиозности напоминает мне веберовские мысли о протестантской этике. Российское общество не настолько религиозно, чтобы конфликты у нас можно было рассматривать на основе религии. Вероятно, конфликто-

генность закреплена и в других культурных основаниях.

Н.Ш.: Еще Дюркгейм отмечал, что религиозный институт существует во всех обществах, нередко порождая конфликты. Даже если общество нельзя назвать религиозным, отмечал Дюркгейм, религия все равно выполняет по отношению к индивиду функции социализации, контроля, а для общества является часто дезинтегратором (25, с.69).

Как верно отметила М.Р., акцент на религиозности напоминает веберовские мысли о протестантской этике. Хотелось бы заметить, что Вебера интересует не только протестантизм, но и другие мировые религии. Он ставит вопрос: можно ли где-либо в мире, помимо западной цивилизации, найти такое религиозное мировоззрение, которое бы выразилось в поведении подобно тому, как протестантская этика выражается на Западе? В связи с этим он обращается к исследованию пяти религиозных систем: конфуцианства, индуизма, буддизма, христианства, ислама. Этому посвящены некоторые его работы (26, с.43-73, 589-646). При исследовании мировых религий Вебер показал в категориях понимающей социологии, что религия является одним из компонентов, обуславливающих экономическое поведение. Вебер признавал фрагментарность своих исследований, поскольку считал, что, во-первых, необходимо найти другие, возможно нерелигиозные, компоненты, лежащие в основе экономического поведения, и, во-вторых, исследовать не только экономическую составляющую капиталистического духа. Так, по его мнению, следовало бы показать значение аскетизма протестантской религиозной этики для содержания социально-политической этики, проанализировав его отношение к развитию философского и научного эмпиризма (26, с.624). Вебер, как и Дюркгейм, был уверен в том, что любая религия как догматическая теория, регулируемая субъективным смыслом, демонстрирует отношение людей к другим людям, вещам, явлениям. Интересно, можно ли ценностные конфликты рассмотреть с этих позиций?

Е.М.: В литературе этот аспект пока представлен очень бедно.

Отсутствие общей идеи для меня означает отсутствие общего ценностного поля, единой концепции упорядочивающих привычных значений. Я сомневаюсь, что христианство смотрит на конфликты отрицательно, а буддизм и дзен-буддизм, наоборот, их провоцируют. Идея конструктивной конфликтности укоренена в христианстве. Либо происходит конфликт ценностей, либо конфликт не происходит, и тогда конфликтные зоны существуют параллельно, создают между собой нейтральные зоны и там культурные поля не пересекаются. Именно так: либо расходятся, либо вступают между собой в антагонистические отношения.

В.Г.: Конфликт грузин и абхазов — этнический, с одной стороны, и политический, с другой (чужое государство и попытка отделения от него). Экономический конфликт — развитая Грузия и сельскохозяйственная Абхазия; религиозный конфликт — одни мусульмане, другие — христиане. И это противоречие сохраняется на протяжении многих веков. Религия — только повод, который позволяет взбивать пену. В действительности же в основе конфликтов лежат другие причины. Пример: ирландцы и англичане. О буддизме: что это такое, провоцировать конфликт, будучи самой демократической религией? Это способ быть

---

* Разумеется, М.Вебер не мог предвидеть, что через много десятилетий Япония со своей синтоистской религией не только вступит на путь капиталистического развития, но и станет одной из передовых промышленных стран мира [прим. Ф.Б.].

самой демократической религией? А провоцирование и разжигание конфликтов происходит для того, чтобы ничего не застаивалось, и тогда в обыденной жизни можно быть свободным от конфликтных ситуаций?

Е.М.: Дзэн-буддизм не идет на вербализованные способы контакта между культурами, в этом смысле он может провоцировать конфликт.

В.И.: У меня две идеи относительно общих культурных оснований социальных конфликтов.

Во-первых, относительно конфликтов, возникающих из-за того, что наше общество шархнулось от установившихся в прошлом культурных эталонов — моделей того, что правильно, что неправильно, что высоко, что низко, — в сторону. Общество отвернулось от этих моделей. А люди остались со своими культурными эталонами, продолжают им следовать. Из-за этого возникло множество конфликтов: конфликты старого поколения с новым, людей прежних взглядов и привычек — с новым правительством, консерваторов — с демократами, прежних директоров предприятий — с «новыми русскими». Любой из этих конфликтов можно рассмотреть с упомянутых мною позиций.

Во-вторых, о попытке переноса культурных эталонов из одной культуры в другую. Предпринимаются попытки пересадить американский парадиз на российскую почву. Что из этого получилось? Это процесс, из которого рождаются серьезные конфликтные ситуации. Что происходит с культурой? Как приживаются в нашей среде иные культурные эталоны? Идет ли адаптация к привозной культуре или это принципиально невозможно? Интересно посмотреть реальные конфликты в этом ключе.

С позиций роли культуры в конфликте было бы полезно исследовать три аспекта. Во-первых, отношение к конфликту (культурные эталоны общего отношения к конфликту — как себя в нем вести, как к нему относиться и как оценивать конфликт). Во-вторых, отношение к оппонентам (с кем конфликтовать достойно, с кем — нет, кого я вижу как оппонента, а кого вообще не замечаю, потому что он из другого социального слоя). В-третьих, отношение к формам разрешения конфликта (какие формы освящены культурой, что можно делать для разрешения конфликта, что нельзя). Сейчас религиозные расхождения и ценности едва ли главное основание, скорее все это — прикрытие. А раньше, пять столетий назад, может быть религиозные ценности и представления играли в конфликтах решающую роль.

Е.М.: Конечно, есть атеистическое мировоззрение. Но называть наше общество нерелигиозным нельзя. Оно религиозно, только не церковно. Народ религиозен, он верит в прогресс, например, в то, что наступит «хорошее завтра», и он непрерывно ждет это «завтра». Раз люди в лучшую жизнь верят, значит, они в общем религиозны, они не живут «здесь и сейчас». Все время ожидают явления мессии. Он придет и воцарит полный порядок. Это должно произойти волшебным образом. Такое сознание религиозно.

Ф.М.: Вы описали скорее мистические убеждения, а они религиозными никогда не считались. Мистицизм, наоборот, антирелигиозен. Народ имеет основание для веры и верит в грядущее чудо. Нищий народ — всегда немного коммунисты, а следовательно, имеет отношение к нормам христианства. Но в религии всегда есть Бог или Боги, т.е. некое высшее существо (или существа), которому все и подчинено.

Ф.М. БОРОДКИН
Социальный конфликт сквозь культуру

Разумеется, в наше время в основе большинства социальных конфликтов религия непосредственно уже не лежит. Но все же вплоть до нашего столетия культура скорее всего транслировалась через церковь, через религиозные традиции и ритуалы. Другого способа трансляции для масс не было.

Если это верно, то нет ни одной религии, которая либо отрицает конфликт полностью, либо провозглашает его нормой жизни или, более того, единственным средством развития жизненных ситуаций. Если религия транслировала культуру, то всю, а значит — и ее противоречия.

Вывод — культура вовсе не является средством наведения и поддержания порядка. Она — инструмент сохранения некоего набора стандартов, типов поведения (включая взаимно противоречивые и конфликтные), которые в каком-то смысле себя уже оправдали, потому что нет ничего надежнее, чем придерживаться того, что себя уже оправдало.

Каждая культура диктует свои шаблоны поведения в конфликте. А конфликты возникают и существуют, как существует день, существует ночь. Например, христианская культура в средние века диктовала очень широко распространенный способ разрешения конфликтов ценностного характера — «ведьму сжечь». Еще один пример — Крестовые походы на Восток. Они унесли с собой массу избыточного народонаселения Европы, и принесли обратно то, что это избыточное народонаселение награбило в походах. Такое поведение благословлялось католической церковью.

Но вот вопрос — как же эти и подобные им шаблоны дошли до наших дней, пусть и несколько в иной форме:

— у побежденного можно отнять значительную часть его имущества, например, в форме репараций (отдать побежденный город на поток и разграбление);

— в тяжелые времена надо искать врага, виновного в возникновении трудностей, в среде своего народа (то ведьмы, то евреи, то иностранные проповедники или просто иностранцы, то религиозные секты, то фашисты, то коммунисты, то «демократы»);

— массовые выражения солидарности или протеста эффективнее, если они выливаются в специальные шествия, организованные в колонны с лозунгами и (или) флагами, или в митинги на открытой площади (ритуальные шествия, танцы, коллективные действия, организованно обращенные к богам или неким мистическим силам и выражающие либо благодарность, либо просьбу, либо протест);

— формы и организация похорон в сообществах разных субкультур;

— делегирование власти общностью над собой с помощью избрания правителей большинством голосов собрания в общности.

Этот список можно продолжать очень долго. Я хотел бы подчеркнуть то обстоятельство, что архетипы воплощаются чаще всего помимо сознания как очевидные в коллективной, в совместной, в том числе и конфликтной, деятельности.

Мы не называем эти шаблоны религиозными и утверждаем даже, что наше российское общество не религиозно. А вот, например, адаптивность нашего народа к практически любым тяжелым условиям, которую мы сейчас обнаруживаем, бесконечная терпеливость и терпимость по отношению к властям — они откуда? Корни их можно отыскать и в христианской религии, в ее православной ветви.

Именно здесь уместно поставить вопрос, каким образом элементы культуры национально-этнических общностей, проживающих (обитающих) совместно на тер-

---

ритории современной России не первую тысячу лет, включая собственные архетипы, влияют на социальные конфликты (порождают, формируют их, определяют формы и способы действий и разрешений и т.д.). Это направление совершенно не тронуто никакими исследователями. Его значимость представляется очевидной.

Итак...

Культура настоящего — живой социальный организм. В нашу эпоху, во всяком случае, в России некоторые существенные элементы культуры, как кажется, меняются весьма радикально, настолько радикально, что происходящие изменения можно условно назвать культурной революцией.

Но в таких определениях приходится быть осторожным. Не исключен и такой вариант развития событий, что после бурного периода изменений многое в культуре вернется к прежней ее структуре. Поэтому когда кто-либо (включая и нас) утверждает, что, например, ценности в культуре заменяются чем-то иным, приходится сказать, что это даже не гипотеза, а осторожное предположение, которое может быть проверено не ранее, чем лет этак через сто. (Или, вполне возможно, это предположение не переживет даже его авторов.)

Самые древние элементы культуры в форме архетипов (феноменов коллективного бессознательного) не только оказывают влияние на социальные конфликты, но присутствуют в современной культуре как реально действующие. В подходящих ситуациях они могут так или иначе способствовать возникновению социальных конфликтов, влиять на поведение и даже деятельность больших социальных групп, включая национально-этнические образования и религиозные общности (общины). Можно не без оснований предположить, что существует некая структура множества всех архетипов, так что одни из них имеют самое древнее происхождение и их коллективный характер можно обозначить как общечеловеческий (например, боязнь темноты). Другие архетипы имеют национально-этническое, цивилизационное происхождение и относительно молоды. Не зная меры воздействия, влияния тех и других на современные социальные конфликты, трудно ожидать адекватного понимания происходящего как теми, кто принимает решения, так и участниками конфликтов, как их субъектами, так и вовлеченными в них и пострадавшими. Тем более странным кажется надеяться на некую универсальную науку под именем «конфликтология» и ожидать эффективного переноса практического опыта из одной культуры в другую.

ПРИЛОЖЕНИЯ*

Приложение I

О коллективном бессознательном (из работ К.Г. Юнга)

«Бессознательное... Понятие бессознательного есть для меня понятие исключительно психологическое, а не философское в смысле метафизическом. Бессознательное есть, по-моему, предельное психологическое понятие, покрывающее все те психические содержания или процессы, которые не осознаются, т. е. которые не отнесены воспринимаемым образом к нашему эго. Право говорить вообще о

---

*Написаны или подготовлены Ф.Бородкиным.

Ф.М. БОРОДКИН
Социальный конфликт сквозь культуру

существовании бессознательных процессов я извлекаю исключительно и единственно из опыта, и притом прежде всего из психопатологического опыта, который с несомненностью показывает, что, например, в случае истерической амнезии *это* ничего не знает о существовании обширных психических комплексов, но что простой гипнотический прием оказывается в состоянии через минуту довести до полной репродукции утраченное содержание.

Из тысяч таких наблюдений было выведено право говорить о существовании бессознательных психических содержаний. Вопрос о том, в каком состоянии находится бессознательное содержание, пока оно не присоединено к сознанию, не поддается никакому познавательному разрешению. Поэтому совершенно излишне делать какие бы то ни было предположения на этот счет. К таким фантазиям принадлежит предположение о церебрации, о физиологическом процессе и т.д. Точно так же совершенно невозможно указать, каков объем бессознательного, т. е. какие содержания оно включает в себя. Эти вопросы решает только опыт.

На основании опыта мы знаем прежде всего, что сознательные содержания, утрачивая свою энергетическую ценность, могут становиться бессознательными. Это нормальный процесс забывания. О том, что эти содержания не просто пропадают под порогом сознания, мы знаем на основании того опыта, что при благоприятных обстоятельствах они могут всплыть из погружения даже через десятилетия, например в сновидении, в состоянии гипноза, в форме криптомнезии, или же благодаря освежению ассоциаций, связанных с забытым содержанием. Далее, опыт учит нас, что сознательные содержания могут попадать под порог сознания, не слишком много теряя в своей ценности, путем интенционального забывания, которое Фрейд называет *вытеснением* тягостных содержаний. Подобное же явление возникает при диссоциации личности, при разложении целостности сознания вследствие сильного аффекта или в результате нервного шока, или же при распаде личности в шизофрении.

Мы знаем также из опыта, что чувственные перцепции вследствие их малой интенсивности или вследствие уклонения внимания не доходят до сознательной апперцепции и все-таки становятся психическими содержаниями благодаря бессознательной апперцепции, что опять-таки может быть доказано, например, гипнозом. То же самое может происходить с известными умозаключениями и другими комбинациями, которые вследствие своей слишком незначительной ценности или вследствие уклонения внимания, остаются бессознательными. Наконец, опыт учит нас и тому, что существуют бессознательные психические сочетания, например мифологические образы, которые никогда не были предметом сознания и, следовательно, возникают всецело из бессознательной деятельности.

В этих пределах опыт дает нам основание для признания существования бессознательных содержаний. Но опыт ничего не может поведать нам о том, *чем* может быть бессознательное содержание. Было бы праздным делом высказывать об этом предположения, потому что невозможно обзреть все, что только могло бы быть бессознательным содержанием. Где лежит низший предел сублиминальных чувственных перцепций? Существует ли какое-либо мерило для тонкости или пределов бессознательных комбинаций? Когда забытое содержание окончательно угасло? На все эти вопросы ответов нет.

Но уже приобретенный нами опыт о природе бессознательных содержаний все же позволяет нам установить некоторое общее их подразделение. Мы можем разли-

чать личное бессознательное, охватывающее все приобретения личного существования, и в том числе забытое, вытесненное, воспринятое под порогом сознания, продуманное и прочувствованное. Но наряду с этими личными бессознательными содержаниями существуют и другие содержания, возникающие не из личных приобретений, а из наследственной возможности психического функционирования вообще, именно из наследственной структуры мозга. Таковы мифологические сочетания, мотивы и образы, которые всегда и всюду могут возникнуть вновь помимо исторической традиции или миграции. Эти содержания я называю *коллективно-бессознательными*. Подобно тому как сознательные содержания участвуют в определенной деятельности, так участвуют в ней и бессознательные содержания, как показывает нам опыт. Как из сознательной психической деятельности возникают известные результаты или продукты, точно так же создаются продукты и в бессознательной деятельности, например сновидения и фантазии. Было бы праздным делом предаваться спекулятивным соображениям о том, сколь велико участие сознания, например, в сновидениях. Сновидение является, представляется нам, мы не создаем его. Конечно, сознательная репродукция, или даже уже восприятие, изменяет в нем многое, однако не отменяет того основного факта, что здесь имеет место некое творческое возбуждение, возникающее из бессознательного.

Функциональное отношение бессознательных процессов к сознанию мы можем назвать *компенсационным* (см. *компенсация*), потому что, согласно опыту, бессознательный процесс вызывает наружу тот сублиминальный материал, который констеллирован состоянием сознания, значит, все те содержания, которые если бы все было осознано, не могли бы отсутствовать в сознательной картине общей ситуации. Компенсационная функция бессознательного выступает на свет тем отчетливее, чем односторонней оказывается сознательная установка, чему патология дает богатые примеры» (11, с.503-505).

«Само по себе коллективное бессознательное вообще не существует; на самом деле оно является не чем иным, как возможностью, той самой возможностью, которая передается нам по наследству с древних времен посредством определенной формы мнемонических образов или, выражаясь анатомически, через структуры мозга. Нет врожденных представлений, но, наверное, есть врожденная возможность представлений, которая определяет границы даже самой смелой фантазии, определяет, так сказать, категории деятельности фантазии, в известной степени идеи а priori, о существовании которых, однако, невозможно судить без наличия соответствующего опыта. Они проявляются в оформленном материале в качестве регуляторных принципов его оформления, то есть лишь посредством вывода из завершенного художественного произведения мы в состоянии реконструировать примитивные образцы элементарного образа.

Элементарный образ, или архетип, есть фигура — является ли она демоном, человеком или событием, — которая в процессе истории повторяется там, где свободно проявляется творческая фантазия. Из этого следует, что в первую очередь это мифологическая фигура. Если мы будем исследовать эти образы более тщательно, то откроем, что они являются в определенной степени обобщенной равнодействующей бесчисленных типовых опытов ряда поколений. Они представляют собой, так сказать, психические осадки бесчисленных переживаний подобного типа» (12, с.57)

«Они усредняют миллионы индивидуальных опытов и дают таким образом

картину психической жизни, разделенную и спроецированную на многочисленные образы мифологического Пандемониума» (12, с.58).

«Если бы такая надындивидуальная душа существовала, то, наверное, все переведенное на ее язык образов было бы лишено личного, а будь это осознано, то печаль казалась бы нам, наверное, *sub specie aeternitatis* уже не моей печалью, а печалью мира, не обособляющей и разделяющей болью, а болью без горечи, связывающей всех нас, людей, вместе. То, что это может исцелять, — искать доказательств этому нам, наверное, не надо.

Но существует ли на самом деле такая надындивидуальная душевная деятельность — на этот счет я до сих пор не привел доказательства, которое удовлетворяло бы всем требованиям» (12, с. 123).

«...мы должны некоторым образом различать три ступени души: 1) сознание; 2) личное бессознательное, состоящее прежде всего из всех тех содержаний, которые стали бессознательными либо в силу того, что они потеряли свою интенсивность и поэтому оказались забытыми, либо же потому, что от них отстранилось сознание (так называемое вытеснение); кроме того, сюда можно включить те содержания, отчасти перцепции, которые из-за слишком малой интенсивности никогда не достигали сознания и все же каким-то образом проникли в психику 3) коллективное бессознательное, являющееся вотчиной возможных представлений, но не индивидуальной, а общечеловеческой, и даже общеживотной, и представляющее собой фундамент индивидуальной психики.

Весь этот душевный организм в точности соответствует телу, которое хотя и имеет всегда индивидуальные вариации, однако в главных своих чертах является общим для всех людей и структура которого по-прежнему сохраняет полные жизненные элементы, связывающие его с беспозвоночными, а в конечном счете даже и с простейшими. Теоретически вполне возможно, что из коллективного бессознательного заново рождается не только психология червя, но и психология одноклеточных» (12, с.125).

«От сознания мы можем ожидать приспособительных реакций и проявлений, ибо сознание в известной степени является частью души, ограничивающейся в основном непосредственно происходящими событиями; и наоборот, (от коллективного бессознательного, как от общей души, не имеющей временных) пределов, мы можем ожидать реакции на самые общие и всегда имеющиеся условия психологической, физиологической и физической природы.

Коллективное бессознательное, видимо, состоит — насколько мы вообще вправе судить об этом — из чего-то вроде мифологических мотивов или образов; поэтому мифы народов являются непосредственными проявлениями коллективного бессознательного. Вся мифология — это как бы своего рода проекция коллективного бессознательного» (12, с. 126).

«...коллективное бессознательное отнюдь не является чем-то вроде темного закутка, а представляет собой господствующий надо всем осадок сложившегося за бесчисленные миллионы лет опыта предков, эхо доисторических явлений мира, которому каждое столетие добавляет несоизмеримо малую сумму вариаций и дифференциаций. Поскольку коллективное бессознательное является осадком явлений мира, который в конечном счете выражается в структуре мозга и симпатической нервной системы, то в своей совокупности это означает нечто вроде не имеющего времени, так сказать, вечного образа мира, противостоящего нашей

сиюминутной сознательной картине мира. Выражаясь другими словами, это означает не что иное, как другой, если угодно, зеркальный мир. Но в отличие от простого зеркального образа, бессознательный образ обладает особой, независимой от сознания энергией, благодаря которой он может оказывать сильнейшие душевные воздействия, воздействия, которые не показываются полностью на поверхности мира, но оказывают на нас тем более мощное влияние изнутри, из темноты, невидимое каждому, кто не подвергает достаточной критике свой сиюминутный образ мира и тем самым остается скрытым для самого себя. То, что мир имеет не только внешнее, но и внутреннее, то, что он видим не только снаружи, но всегда властно действует на нас из самой глубокой и, по-видимому, самой субъективной подпочвы души, я считаю научным фактом, который несмотря на то, что является древней мудростью, в этой форме заслуживает того, чтобы быть оцененным в качестве фактора, формирующего мировоззрение» (12, с.240).

Приложение II

Конфликт с сапогами

Дело было в деревне средней полосы России около 1912 г. В один из домов попросились переночевать двое мужиков, путь которых был далек. Конечно, их пустили, правда, в пристройку. Они проснулись раньше всех и ушли, никого не потревожив. Хозяин в то утро собирался в лес заготавливать на зиму дрова, но не нашел своих сапог, хотя хорошо помнил, где оставлял их вечером. После долгих поисков стало ясно, что унесли эти сапоги переночевавшие в доме мужики — может быть, не оба, но один из них. Снарядили погоню по разным дорогам по двое. Повезло хозяину — он с напарником догнал этих гостей. Действительно, сапоги оказались у них. Может, все бы и обошлось, но гости стали уверять, что это их сапоги и что свои надо лучше искать где-нибудь под крыльцом, тем более что накануне был престольный праздник и гулянье. Но хозяин-то знал все мелкие приметы своей обуви. Слово за слово, потом — в драку. Гости были жестоко избиты колыями, которые прихватили с собой преследователи, так жестоко, что остались недвижимыми на дороге.

Мужики с отобранными сапогами пришли домой, рассказали обо всем соседям. В деревне была своя бабка-лекарка. Сбегали к ней и снарядили ее идти к тем, лежащим на дороге, чтобы помочь им очухаться, да двигаться дальше. Бабка-лекарка помогла неудачливым вора, и они к вечеру ушли подальше, сказав ей спасибо и передав свою благодарность тем, кто бил их.

Приложение III

Латентный конфликт

Много лет назад мне довелось из исследовательского интереса несколько раз побывать в одной меннонитской деревне, расположенной в Новосибирской области, довольно близко наблюдать там повседневную жизнь, беседовать с жителями, пастором, бывать на их молебных собраниях. В селе жило более 600 семей. (К настоящему времени не менее половины семей уехало в Германию.) Они — потомки меннонитов, поселившихся в России в конце XVIII века по приглаше-

Ф.М. БОРОДКИН
Социальный конфликт сквозь культуру

нию Екатерины Великой и переехавших в Сибирь в начале нашего века. Я не берусь судить о том, каковы отличия религиозных взглядов меннонитов от взглядов традиционных католиков. Главные особенности культуры меннонитов заключаются в следующем. Во-первых, они не берут никакого оружия в руки, если его надо обратить против людей. Во-вторых, своих детей они учат в первую очередь староголландскому («нашему») языку, русский язык дети постепенно узнают, начиная с 5-6-летнего возраста, тогда же начинают учить классический немецкий язык (который коренные немцы из Германии находят очень смешным). В-третьих, среди них никто практически не курит и не пьет спиртного. Это тоже запрещено верой.

К обращению в свою веру и к участию в молебных собраниях никто не принуждался. О неверующих или не посещающих собраний пастор и другие верующие не отзывались отрицательно.

Их обычаи принципиально противостоят любым конфликтам. Они принципиально по своей инициативе не вступают в напряженные отношения ни с каким органом власти, не допускают никаких отрицательных высказываний вслух, при посторонних, и, тем более, открытых действий по отношению к любому нормативному акту. Однако между ними и той субкультурой, в которой они оказались не по своему выбору, несколько десятилетий продолжается латентный конфликт, время от времени вспыхивающий открыто или, наоборот, принимающий совершенно внешне бесконфликтную форму, либо демонстрирующий молчаливое презрение к существующим законам без наступления отрицательных санкций.

Хотя строго говоря меннониты — не немцы, в начале второй мировой войны те из них, кто жил в европейской части Советского Союза, были высланы за Урал. Для всех меннонитов, как и для сосланных немцев, была введена ежедневная регистрация в специально созданных военных комендатурах. Никто из них не мог без специального разрешения отлучаться из деревни в другое поселение. Это, конечно, закрыло, замкнуло их территориальные сообщества, изолировало от остальных сообществ, укрепило собственные социально-психологические механизмы наследования и адаптации своей культуры, механизмы социализации. Разделение на «наших» и «не наших», выделение и подчеркивание «нашей веры», «нашего языка», «наших друзей» представлялось очень выпукло. Деревня эта не в пример русским — процветающая. В советские времена производительность труда в ней была в 4-5 раз выше, чем в среднем по совхозу, куда она входила. Добротные большие дома под шиферными крышами, свое водяное отопление, горячая вода, ванная или душ в каждом доме, отдельные детские комнаты, у многих — легковые автомашины, минитракторы, навесные сельскохозяйственные орудия, асфальт во дворах, бетонированное шоссе на главной улице, хороший клуб. До примерно 1985 г. дома вообще не имели замков. О присутствии или отсутствии кого-либо из хозяев в доме судили либо по обуви, стоящей на пороге (ее отсутствие свидетельствовало об отсутствии и хозяев), либо по половой щетке или палочке, подпирающей дверь. Все производило впечатление хорошо осознаваемого хозяевами достатка.

Конечно, деревня и в самые тяжелые времена не жила без мяса, молока и хлеба. Но отношения с жителями окружающих деревень напряженные, случались и поджоги, и драки среди молодежи, очень мало смешанных браков (невест могут

выбирать в далеких, но «своих» деревнях). Молодые люди из этой деревни не служат в строевых армейских частях, хотя и не прячутся от призыва. Так было и при коммунистическом режиме. Можно только догадываться, какими средствами это исключительное положение достигалось, узнав некоторые другие факты из их жизни.

Естественно, меня немало удивил внешний вид деревни, домов в ней, внутренний комфорт и устроенность жизни в тот период, когда страна страдала от всеобщего дефицита, очередей везде и за всем, произвола партийных бонз и советских чиновников. Мне удалось завоевать доверие пастора, он рекомендовал меня жителям на молельном собрании. Потому все те, с кем я общался и кого расспрашивал, были со мной откровенны и открыты. Что же обнаружилось?

1. Несколько жителей деревни, верующие, посещающие молельные собрания, предлагали мне во время обеда выпить по рюмочке «для аппетита». Бутылка доставалась откуда-то из потаенного места. Когда я отказывался, хозяева употребляли рюмочку-другую вина или водки в одиночку. Некоторые понемножку курили. Об этом знали все, но общеизвестный пьяница на всю деревню был только один. Его скорее жалели, чем презирали.

2. Шоссе бетонировала и дворы асфальтировала армянская бригада, заботой которой было достать все необходимые для этого материалы. Я думаю, большинство из нас прекрасно знает источники и способы снабжения такими материалами — кража в открытой или скрытой форме, получение или покупка за взятку.

3. Шифер на крыши, доски для пола, обои, краска и другие отделочные и строительные материалы получались по накладным, выписываемым чиновниками государственных учреждений за денежные взятки или подношения продуктами (это называлось «отблагодарить»). С некоторыми чиновниками было налажено постоянное сотрудничество такого рода.

4. Ремонт автомашин и другой техники производился непосредственно в деревне. Необходимые запасные части, оборудование, детали «доставались» так же, как и строительные материалы для дома.

Я спрашивал, понимают ли они, что все эти материалы и детали так или иначе сворованы со строек, складов, из мастерских. Да, все отдавали себе полный отчет в этом. Сами меннониты, если бы они работали на этих складах, стройках, в мастерских, не взяли бы там тайно ничего. Но добытое нечестным, часто преступным путем, с нарушением не только Христовых заповедей, но и законов каким-то чудесным образом превращалось в их собственность, которая после приобретения ее за их деньги становилась священной, требующей уважения к себе и неприкосновенной. «Они» могли быть нечестными, ворами, преступниками, добывая для «нас» то, что «нам» необходимо. «Мы» следуем заповедям «нашей» веры и «нашим» обычаям и честны в «нашем» обществе. Однако и в этом обществе с ведома всех остальных можно слегка и безнаказанно нарушать некоторые обычаи. Однако мирная жизнь в деревне дороже громкого осуждения и скандалов, и пусть нарушителя ожидает божья кара.

Как видно, ценности, которые разделяют все члены этого сообщества, не превращены этим сообществом в нормы и, более того, допускают сосуществование с сообществом иных с иными ценностями. Взаимоисключающие ценности не ведут к столкновениям и конфликтам, более того, нормы сообщества таковы, что взаимодействие, совместная деятельность с этими другими сообществами ста-

Ф.М. БОРОДКИН***Социальный конфликт сквозь культуру***

новится внешне бесконфликтной. Однако сознательное отделение себя от других сообществ как раз и означает, что латентный конфликт существует постоянно, он сопровождает меннонитов всю жизнь и, возможно, является одним из факторов, выталкивающих их в Германию.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Бауман З. Мыслить социологически. М., 1996.
2. Jonathan H. Turner. Sociology. The Science of Human Organization. Chicago, 1986; Blake, Judith, Kingsley Devis. On Norms and Values // Hanbook of Modern Sociology. Chicago, 1964; Turner. Jonathan H. and Starnes C.E. Inequality: Privilege and Poverty in America. Santa Monica, 1976; Williams, Robin M., Jr. «Individual and Group Values» in Social Intelligence for America's Future. Boston, 1969; Williams, Robin M., Jr. American Society: A Sociological Interpretation. N.Y., 1970.
3. Радьяр Д. Представление астрологических понятий и идей в свете современной психологии и философии. М., 1994.
4. Вебер М. Протестантские секты и дух капитализма // Избранные произведения. М., 1990.
5. Фрэзер Дж. Золотая ветвь человечества. М., 1986.
6. Ле Гофф Жак. Цивилизация средневекового Запада. М., 1992.
7. Якимович А. О лучах просвещения и других световых явлениях // Иностранная литература. 1994. №1.
8. Jonathan H. Turner. Sociology. The Science of Human Organization. Nelson-Hall; Chicago, 1986.
9. Авраменко А. А. Конфликт в поле социологии.
10. Ошо. Корни и крылья. М., 1992.
11. Юнг К. Психологические типы. СПб.; М, 1995
12. Юнг К.Г. Проблемы души нашего времени. М., 1994.
13. Подробнее об этом см.: Мостовая Е.Б. Основы экономической теории. М., 1997.
14. См. подробнее: Нуреев Р.М. Экономический строй докапиталистических формаций. Душанбе, 1989.
15. Фромм Э. Бегство от свободы. М., 1990.
16. Грацианский Н. Парижские ремесленные цехи в XII-XIV веках. Казань, 1911.
17. Кулишер И.М. Лекции по истории экономического быта. СПб., 1913.
18. Маркузе Г. Одномерный человек // Американская социологическая мысль. М., 1994.
19. Фарман И.П. Теория познания и философия культуры. М., 1986.
20. Критика социально-философских воззрений Франкфуртской школы. М., 1978.
21. Лысихин Е.И. Духовные факторы возникновения и обострения конфликтных ситуаций // Политика в зеркале конфликтологии. 1995. №9.
22. Куконков П.И. Социальная напряженность как этап в развитии конфликта // Политика в зеркале конфликтологии. 1995. № 1.
23. Артемова Т.А. Конфликт в организации в процессе стратегического планирования // Социальный конфликт. 1994. №2.
24. Авдеева Л. Н. Размышления о конфликте // Социальный конфликт. 1994. №1.
25. Дюркгейм Э. Социология религии и теория познания // Религия и общество. М., 1994. Ч.1.
26. Вебер М. Социология религии. Хозяйственная этика мировых религий // Избранное. Образ общества. М., 1994.